

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра теории германских и романских языков
и прикладной лингвистики

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
_____ О.В. Магировская

« ____ » _____ 2024 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

**АУДИАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ КОРРЕЛЯТОВ ОНОМАТОПОВ
(НА ПРИМЕРЕ ЯПОНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)**

45.04.02 Лингвистика

45.04.02.01 Межкультурная коммуникация и перевод

Научный руководитель

канд. филол. наук, доц.
каф. ВЯ А.В. Козачина

Магистрант

Я. Сэо

Нормоконтролер

А.А. Струзик

Красноярск 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ.....	8
1.1. Языковой знак в лингвистической системе.....	8
1.1.1. Феномен языкового знака	8
1.1.2. Мотивированность и немотивированность языкового знака	12
1.1.3. Процесс иконизации и деиконизации языкового знака	14
1.2. Семантика языкового знака	17
1.2.1. Дифференциация терминов: «значение» и «смысл».....	17
1.2.2. Семантический треугольник как единство звука, значения и символа.....	21
1.3. Звук в системе языка.....	28
1.3.1. Типы фонации	28
1.3.2. Современная концепция звукоизобразительности.....	33
1.3.3. Звукоизобразительная лексика японского и русского языков	36
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1.....	41
ГЛАВА 2. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОНОМАТОПОВ ЯПОНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ	44
2.1. Описание эксперимента.....	44
2.2. Тип фонации и коннотативное значение звукоизобразительных единиц японского и русского языков	54
2.2.1. Фальцет	58
2.2.2. Шепот	61
2.2.3. Скрипучий голос	65
2.2.4. Напряженный голос	68
2.2.5. Придыхательный голос	72
2.3. Тип фонации и коннотативное значение звукоизобразительных единиц японского и русского языков на синтаксическом уровне.....	79
2.3.1. Фальцет	80
2.3.2. Шепот	83
2.3.3. Скрипучий голос	87

2.3.4. Напряженный голос	90
2.3.5. Придыхательный голос.....	93
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2.....	97
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	100
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	103
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ	109

ВВЕДЕНИЕ

Магистерская диссертация посвящена изучению аудиальных характеристик лексико-семантических коррелятов ономастов в японском и русском языках.

Феномен звукоизобразительности является одним из фундаментальных компонентов структуры языкового знака. Таким образом, **актуальность** настоящего исследования обусловлена тем, что изучение звукоизобразительной лексики предоставляет уникальную возможность проанализировать корреляцию фонетических элементов с определенными впечатлениями или ассоциациями. Кроме того, сравнительный анализ звукоизобразительных слов разных языков позволит выявить, как различные культуры интерпретируют и кодируют звуковые впечатления, что способствует более глубокому пониманию межкультурной коммуникации.

Объектом настоящего исследования выступает звукоизобразительность японского и русского языков, **предметом** – аудиальные характеристики лексико-семантические коррелятов звукоизобразительной лексики японского и русского языков.

Цель исследования заключается в анализе корреляций между типом фонации и коннотативным значением ономастов японского и русского языков.

Для достижения цели были поставлены следующие **задачи**:

- 1) описать подходы к изучению языкового знака в трудах отечественных и зарубежных лингвистов;
- 2) проанализировать мотивированность и немотивированность языкового знака;
- 3) охарактеризовать процессы иконизации и деиконизации языковых знаков;
- 4) дифференцировать термины «значение» и «смысл»;

- 5) рассмотреть семантический треугольник как единство звука, значения и символа;
- 6) охарактеризовать типы фонации;
- 7) изучить явление звукоизобразительности;
- 8) проанализировать аудиальные характеристики лексико-семантических коррелятов ономастопов японского и русского языков.

Данное исследование опирается на **гипотезу** о том, что в японском и русском языках существуют определенные корреляции между коннотативным значением ономастопов и модуляцией голоса.

Материалом исследования выступает корпус звукоизобразительных единиц японского и русского языков и данные, полученные путем ассоциативного эксперимента среди носителей японского и русского языков (возраст респондентов от 19 до 73 лет).

Основными **методами**, использованными в *теоретической части* данной работы, являются: анализ, синтез, описание, сравнительно-сопоставительный методы. Методы *практической части* работы: метод ассоциативного эксперимента, метод семантического дифференциала, лексико-семантический анализ.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно вносит вклад в понимание того, как различные модуляции влияют на восприятие и интерпретацию смыслов. Выводы, сделанные в ходе исследования, подчеркивают, что фонация не только влияет на семантический диапазон слов, но и что эти влияния могут быть неоднородными в зависимости от контекста и характеристик слова. Кроме того, впервые методология анализа коннотативного значения применена к изучению звукоизобразительной лексики японского и русского языков.

Практическая значимость работы состоит в том, что предложенная методика экспериментального изучения звукоизобразительности может быть востребована в аналогичных исследованиях на другом языковом материале.

Более того, результаты исследования могут быть применены в дальнейших работах по звукоизобразительности японского и русского языков.

Теоретическую основу исследования составляют научные работы российских и зарубежных ученых в области исследования феномена *языкового знака* (Ж. Деррида, Ч. Моррис, Ч. Пирс, Ф. де Соссюр, Р.О. Якобсон), *значения* (И.М. Кобозева, Л.А. Новиков, Е.В. Рахилина, А. Ченки, Г. Фреге, С.К. Ogden, I.A. Richards), *фонации* (С.В. Кодзасов, О.Ф. Кривнова, К. Akita, D. Crystal, I. Fonagy, H. Hollien, P. Ladefoged, J. Laver, P. Roach), *звукоизобразительности* (С.В. Воронин, Л.А. Комарницкая, Е.И. Кривошеева, А.А. Подшибякина, Н.Г. Румак, М.А. Флакман, S. Akutsu, T. Asano, H. Inose, H. Kindaichi, Y. Ogura, N. Yoshinaga) и др.

Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и приложений.

Во **Введении** определены объект и предмет исследования, поставлена цель и задачи, необходимые для ее достижения, обоснована актуальность, представлены методы и практическая значимость исследования.

В **Главе 1** «Теоретико-методологические основы изучения звукоизобразительной лексики в современном языкознании» приводится описание основного терминологического аппарата работы: «языковой знак», «значение», «звук», «звукосимволизм», «фонация»; дается обоснование выбора модели исследования аудиальных характеристик лексико-семантических коррелятов ономатопов.

В **главе 2** «Семантическая интерпретация ономатопов японского и русского языков» проводится анализ корреляций между типом фонации и коннотативным значением ономатопов японского и русского языков.

В **Заключении** формулируются выводы по результатам работы.

Список использованной литературы представлен 77 источниками.

Апробация работы.

Результаты исследования представлены на 2 конференциях международного уровня: Международная научно-практическая конференция «Язык, дискурс, (интер)культура в коммуникативном пространстве человека» (2023, 2024 гг.).

По результатам работы опубликована статья РИНЦ «Характеристика семантического диапазона русской звукоизобразительной лексики на основе количественного анализа».

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Звукосимволизм, являющийся объектом рассмотрения в данном исследовании, представляет собой явление, пересекающее различные области лингвистики, включая артикуляторную фонетику, акустическую фонетику, когнитивную лингвистику и семантику, а также тесно связанное с семиотикой, поскольку его основой является связь между звуком (знаком) и значением. Настоящее исследование начинается с изучения сущности языкового знака и процесса иконизации, лежащего в основе звукосимволического феномена.

1.1. Языковой знак в лингвистической системе

1.1.1. Феномен языкового знака

Язык – это способность, которая отличает человека от других животных, и язык используется не только для самовыражения и общения с другими людьми, но также и для хранения информации, мышления и даже понимания мира. Семиотика – это изучение семиотических явлений, то есть действий по наделению и прочтению значения окружающих нас вещей, явлений, наших чувств и отношений с другими людьми, которые люди совершают постоянно и во всех аспектах культуры. Из этого следует, что язык представляет собой систему знаков, и различные ученые пытаются прояснить связь между знаками и тем, что они обозначают.

В современной лингвистике существует четыре позиции, с которых ученые изучают элементы, окружающие языковой знак: односторонняя, двухсторонняя, трехсторонняя и четырехсторонняя [Кубрякова, 1993].

С точки зрения *односторонней сущности* языковой знак рассматривается как существующий в отрыве от того значения, которое он

представляет [Солнцев, 1977]. В.М. Солнцев, сторонник односторонней сущности языкового знака, считает, что значение существует в голове и считается синонимом «умственной вещи» или, по-другому, «понятием» [Там же: 4]. С другой стороны, поскольку целью языкового знака является установление коммуникации, он должен быть чувственно воспринимаемым материалом (звукорядом), и соответственно существует вне головы человека. В итоге, языковой знак служит лишь указателем (означающим) на значение через абстрактный образ знака в голове, который, по мнению В.М. Солнцева, не является частью знака [Там же: 3–4].

Согласно швейцарскому лингвисту Ф. де Соссюру, который заложил основы науки семиологии, языковой знак имеет *двухстороннюю сущность* [Соссюр, 1999]. В концепции ученого, языковой знак является связующим элементом между акустическими образами (означающими) и значениями (означаемыми) [Там же: 69]. Языковой знак не обязательно должен быть реальным звуком, поскольку он может быть понят без реального произнесения. Таким образом, языковой знак становится элементом, существующим внутри мозга, а не вне его [Там же].

В то же время Ч. Пирс предлагает концепцию *трехсторонней сущности* языкового знака, важнейшей особенностью которой является добавление в отношения знака и значения человека. Согласно Ч. Пирсу, «знак, или репрезентант, – это нечто, что обозначает что-либо для кого-то в определенном отношении или объеме» [Пирс, 2000: 48]. Языковой знак обретает конкретное значение, когда он написан или произнесен, подобно тому, как полисемичное слово имеет несколько значений в мозгу, но конкретное значение приобретает в момент произнесения. По этой причине Ч. Пирс считал, что в мозгу существует единое идеологическое значение (объект), которое управляет множеством значений слов. В то же время языковые знаки также присутствуют в сознании, и в процессе коммуникации они вызывают появление эквивалентного или развитого символа (интерпретанта) в сознании слушателя [Пирс, 2000: 318].

Приверженцем концепции *четырёхсторонней сущности* языкового знака является Ч. Моррис [Моррис, 2001]. Ученый включил в систему отношений знака и значения не только человека, но и биологический мир в целом. Придерживаясь бихевиористской точки зрения, ученый добавил к традиционным трем элементам: знаковому средству или закононосителю (то, что выступает как знак), десигнату (то, на что указывает знак) и интерпретанту, – четвертый – интерпретатор (действующее лицо процесса) [Там же: 46].

При изучении языкового знака ученые сталкиваются с проблемой наделения этих языковых знаков значением. Ф. де Соссюр подчеркивал, что языковые знаки имеют значение не сами по себе, а только тогда, когда они понимаются по отношению друг к другу в общезыковом коде, т.е. когда они различаются от слова к слову [Соссюр, 1999: 115]. Схожую позицию занимают Р.О. Якобсон и Ж. Деррида.

Р.О. Якобсон рассматривает язык с позиции структурализма не как принадлежность отдельного человека, а как часть коллективного сознания, разделяемого сообществом, универсальную структуру, существующую на интересубъективном уровне [Якобсон и др., 1996: 6]. Процесс создания знаков, таким образом, рассматривается как трансцендентное царство, в которое каждый язык попадает, прослеживая его до общей структурной модели [Там же]. Р.О. Якобсон, как и Ф. де Соссюр, рассматривает знаки как единство означающего (формы) и означаемого (содержания) и подчеркивает, что значение знака зависит не от его естественных свойств, а от его функции в языке [Там же: 237]. Более того, знаки и их значения существуют не в индивидуальном, а в коллективном сознании, то есть языковые знаки являются результатом социального консенсуса и передаются в процессе взаимодействия людей [Там же: 7]. Р.О. Якобсон объясняет структуру языковых знаков с помощью понятия дихотомии и считает, что значение символа определяется его противопоставлением другим символам в языковой системе [Якобсон и др., 1996: 77].

Ж. Деррида пересматривает традиционные понятия структуры и знака, заложенные структурализмом [Деррида, 2000]. Ж. Деррида связывает децентрирование структуры с природой лингвистического знака, указывая на то, что хотя структура всегда подразумевает наличие центра, обеспечивающего стабильность и организацию, этот центр никогда не бывает неподвижным и всегда находится в движении, что ученый называет «игрой» [Там же: 408]. Также Ж. Деррида утверждает, что значение никогда не бывает фиксированным или однозначным: знаки всегда открыты для множества интерпретаций и меняются в зависимости от контекста и взаимодействия с другими знаками [Там же: 424]. Ученый отрицает трансценденталистскую сигнификацию и утверждает, что все значения относительны и зависят от контекста, и что существование абсолютного значения невозможно [Там же: 410]. Подобное видение противоречит традиционному взгляду на знаки как на стабильные и однозначные элементы, предлагая вместо этого более динамичное и открытое понимание языка и его использования.

Таким образом, мы изучили взгляды ученых на сущность языкового знака. Важнейшей является теория о двойственной природе, описанная Ф. де Соссюром. Языковой знак у Ф. де Соссюра состоит из двух частей: означаемого (франц. *signifiant*) – звуковой оболочки знака, и означающего – концепции или идеи, которую знак выражает. Соссюр утверждал, что связь между значимым и значением является произвольной и устанавливается посредством социальных соглашений. Это значит, что не существует естественной связи между словом и тем, что оно обозначает; эта связь устанавливается и поддерживается в рамках языкового сообщества. Эта концепция легла в основу структурализма и семиотики и оказала значительное влияние на развитие лингвистики и философии языка.

1.1.2. Мотивированность и немотивированность языкового знака

Другими важными понятиями в отношениях между языковым знаком и значением являются мотивированность и немотивированность. Попытки обсуждения проблемы мотивированности языкового знака были предприняты еще в Древней Греции. Первый спор о природе связи между звуком и его значением возник между греческими философами в V в. до н.э. Спор зафиксирован в диалоге Платона «Кратил», где Кратил, «натуралист», утверждая, что «у всякого сущего есть правильное имя», подтверждает, что слова создавались в соответствии с природой обозначаемых ими вещей [Платон, 1990: 659]. С другой стороны, Гермоген, «конвенционалист», заявляет: «Не могу поверить, что правильность имени состоит в чем-либо ином, кроме договоренности и соглашения... Ведь имя ничему не врождено от природы, но принадлежит вещи на основании закона и обычая тех, кто этот обычай установил и так называет» [Там же: 614], настаивая на том, что слова – результат соглашения (конвенции) между их создателями – первыми людьми. Платон заимствует слова одного из героев книги, Сократа, и отвечает, что в языке есть как имена, созданные природой, так и консенсус. То есть новые слова создаются в соответствии с природой (сущностью, то есть впечатлением, которое человек получает от звучания) того, что они представляют, а новые слова, созданные путем отсылки к существующим словам (то есть производные), – по смысловой части слова [Даниленко, 2015]. Ученик Платона Аристотель, напротив, отрицает естественность именованности и утверждает, что «имена имеют значение в силу соглашения, ведь от природы нет никакого имени. Имя возникает, когда становится знаком, ибо членораздельные звуки, хотя и выражают что-то, как, например, у животных, но ни один из этих звуков не есть имя» [Аристотель, 1978: 93].

Таким образом, идеи о мотивированности и немотивированности языкового знака с древнейших времен поддерживались различными учеными, но с того момента, как Ф. де Соссюр выявил, что языковой знак обладает

двухсторонней сущностью, общепринятой в лингвистике стала его немотивированность [Соссюр, 1999: 77]. Ф. де Соссюр считал, что «принцип произвольности знака никем не оспаривается» и утверждал примат немотивированности [Там же: 77]. Однако ученый не отрицал мотивированность языковых знаков в некоторых символах: «символ характеризуется тем, что он всегда не до конца произволен; он не вполне пуст, в нем есть рудимент естественной связи между означающим и означаемым» [Там же: 71]. Ф. де Соссюр также подтверждал мотивированность знаков в определенных лексических классах, таких как междометия и звукоизобразительная лексика [Там же: 72]. Ученый объяснял это тем, что «звукоподражания не являются органическими элементами в системе языка», и считал эти лексические группы периферийными и не играющими важную роль [Там же: 71].

Однако Ф. де Соссюр также утверждал, что некоторые лексемы, считающиеся звукоизобразительными, могут этимологически восходить к словам, явно не имеющим звукоизобразительной природы [Там же]. Кроме того, даже если слово по своей сути является звукоизобразительным, обозначаемые им звуки могут в той или иной степени различаться в разных языках. Звукоизобразительная лексика может претерпеть фонетическую, морфологическую и другие виды эволюции, после чего эти лексемы теряют свой естественный характер и начинают приобретать произвольный характер.

После того, как концепция Ф. де Соссюра получила широкое признание, французский ученый Э. Бенвенист в своей работе «Природа языковых знаков», не соглашаясь с предложенной точкой зрения, утверждал, что «связь между означаемым и означающим никогда не бывает произвольной, а является необходимой» [Бенвенист, 1974: 95]. Поэтому и на сегодняшний день ряд ученых подтверждает концепцию немотивированности.

Э. Сепир, который занимал двойственную позицию, не исключал возможность немотивированности языкового знака. Ученый не считал, что

естественный язык мог возникнуть «по конвенции», но признавал конвенциональную природу языка: «Язык обладает тем в определенной степени исключительным свойством, что по своей функциональной значимости языковые формы носят в основном опосредованный характер. Звуки, слова, грамматические формы, синтаксические конструкции и другие языковые формы, усваиваемые нами с детства, имеют определенное значение лишь постольку, поскольку общество молчаливо согласилось считать их символами тех или иных референтов» [Сепир, 1993: 600]. С другой стороны, Э. Сепир утверждал, что символы, созданные людьми в процессе эволюции, изначально ассоциировались с определенными чувствами, установками и понятиями и поэтому не были произвольными и лишены мотивации [Там же: 263].

Таким образом, проблема мотивированности и немотивированности языковых знаков, уходящая корнями во времена Древней Греции, остается актуальной и в наше время, когда анализ языка стал более объективным. Мотивированность языкового знака подразумевает, что связь между знаком и его значением основывается на некоторой внешней, естественной ассоциации, объясняющей использование данного знака для обозначения конкретного значения. В то же время, немотивированность предполагает отсутствие внешней ассоциации, определяющей связь между знаком и его значением. Хотя большинство ученых склоняются к концепции немотивированности, для определенного типа лексики, например, звукоизобразительной лексики и междометий, мотивированность признается.

1.1.3. Процесс иконизации и деиконизации языкового знака

Языковой знак, в соответствии с теорией Ф. де Соссюра, является *арбитрарным*, то есть его связь с обозначаемым объектом произвольна и устанавливается посредством социальных соглашений. И хотя большинство языковых знаков являются арбитражными, иконичность в языке существует и

может использоваться для создания более наглядных или интуитивно понятных связей между знаками и их значениями.

Иконичность языкового знака – это концепция, связанная с тем, как знаки и символы представляют объекты или идеи на основе сходства или аналогии. В контексте языка, иконичность относится к ситуациям, когда форма слова или его звучание непосредственно связаны с его значением. Иконичность, с другой стороны, предполагает наличие некоторой формы сходства между формой знака и его содержанием.

Термин «иконичность» впервые использован в исследовании Ч. Пирса, который понимал под ним «свойство языкового знака, проявляющееся в наличии между двумя сторонами, означающим и означаемым, некоторого материального (изобразительного, структурного, звукового и пр.) подобия» [Пирс, 2000: 217]. Ученый признавал мотивированность и немотивированность между словом и значением и для описания различий в способах их связи использовал три термина: *символ*, *индекс* и *икона*. Икона – это «символ, относящийся к объекту только в силу сходства его собственных свойств с объектом, независимо от того, существует ли объект в действительности» [野口, 2004: 50]. Примерами могут служить фотографии, рисунки и картины. Объект такого указания может быть воображаемым или вообще отсутствовать [Там же].

В концепции У. Эко, иконический знак обладает общими свойствами не с объектом, а со структурой его восприятия выстраивается и узнается в ходе тех же самых умственных операций, которые мы совершаем, формируя образ, независимо от материала, в котором закрепляются эти отношения [Эко, 1998: 135]. Ученый рассматривает иконичность как важный аспект семиотики, подчеркивая, что знаки могут иметь визуальное или концептуальное сходство с тем, на что они указывают, что делает их более понятными и наглядными. Это свойство знаков играет ключевую роль в интерпретации и понимании языковых и культурных кодов.

А.А. Кибрик определяет иконичность как «свойство языкового знака, проявляющееся в наличии между его двумя сторонами, означающим и означаемым, некоторого материального (изобразительного, звукового и т.п.) или структурного подобия» [Кибрик, 1992: 35]. В контексте исследований ученого, иконичность связана с прозрачностью и непосредственностью, с которой языковые структуры могут отображать определенные аспекты коммуникации или мышления.

В процессе изучения феномена иконизма, ученые пришли к выводу, что лексика, которая изначально была иконической, со временем может утратить свою иконичность. Данный процесс называется *деиконизацией* [Пирс, 2000]. К деиконизации приводит, с одной стороны, развитие полисемии, с другой – действие регулярных фонетических изменений языка. Оба эти фактора приводят к искажению исходной, иконической, формы слова и нарушению изначальной смысло-звуковой корреляции [Флакман, 2015а: 163]. В современных исследованиях деиконизация рассматривается в контексте когнитивной и психолингвистики восприятия, где ученые изучают, как мозг обрабатывает знаки и символы, и как это влияет на наше понимание и использование языка. Свой вклад в понимание метафорических и абстрактных аспектов языка, которые могут быть связаны с процессом деиконизации, внесли такие исследователи, как Дж. Лакофф и М. Джонсон [Лакофф, Джонсон, 2004].

Иконические отношения, то есть отношения подобия, обнаруживаются в языке на различных уровнях, но наиболее явно они проявляются при звукоизобразительном словосоздании [Флакман, 2015б: 58]. В контексте иконичности, как упоминалось в теории У. Эко, знаки имеют некоторое сходство с объектами или понятиями, которые они представляют. Звукосимволизм, с другой стороны, относится к способности определенных слов или их звуковых сочетаний вызывать ассоциации с их значением на основе звучания. В языке иконичные знаки могут проявляться в виде

онаматопеи, где звук слова имитирует звук, который оно обозначает, создавая непосредственную связь между знаком и его референтом.

Таким образом, иконичность в языке – это свойство, когда звуковая форма слова напоминает то, что оно обозначает, создавая непосредственную связь между звуком и смыслом. Это явление может играть важную роль в понимании звукового символизма и восприятии языка в целом. Иконизация – это процесс, при котором определенные языковые формы начинают восприниматься как более непосредственно связанные с их значением. Это может происходить, например, когда определенные звуки или структуры слова начинают ассоциироваться с конкретными смыслами или когда языковые структуры становятся более прозрачными для носителей языка. Деиконизация – это обратный процесс, при котором языковые формы теряют свою иконичность. Это может произойти в результате языковых изменений, когда первоначальная прозрачность формы и ее значения становится менее очевидной для носителей языка. Например, слово может изменить свою форму настолько, что его исходное иконическое значение становится неузнаваемым. Эти процессы подчеркивают динамичность языка и то, как со временем могут изменяться отношения между формой и значением в языковых знаках. Они также важны для понимания того, как языковые структуры развиваются и адаптируются в соответствии с потребностями и восприятием их пользователей.

1.2. Семантика языкового знака

1.2.1. Дифференциация терминов: «значение» и «смысл»

Языковой знак включает в себя две составляющие: звуковую (или визуальную) форму – фонемы или буквы – и смысловую составляющую, которая связана с концептом или представлением в уме. Значение языкового знака – это именно эта смысловая сторона, которая связана с представлением

о конкретном объекте, процессе или явлении в мире, к которому относится слово или выражение.

В лингвистике область, занимающаяся вопросами значения, называется семантикой. В русском языке существует проблема дифференциации двух терминов: «значение» и «смысл». И.М. Кобозева предлагает следующую трактовку: значение – это «общепринятое лексическое определение слова или выражения, которое понимается под данным словом или выражением независимо от контекста; оно является более статичным и устойчивым»; в то время как смысл «относится к информации, которую языковое выражение передает в определенном контексте, и может рассматриваться как более субъективная и изменчивая часть информации» [Кобозева, 2000: 11–12]. Значение тесно связано с узкой семантикой, а смысл, напротив, имеет отношение к более широкой семантике или прагматике, которая часто включает коннотативные и имплицитные аспекты речи. И.М. Кобозева предлагает определять каждое слово следующим образом:

- Значение X-а – это информация, связываемая с X-ом конвенционально, согласно общепринятым правилам использования X-а в качестве средства передачи информации.

- Смысл X-а для Y-а в T – это информация, связываемая с X-ом в сознании Y-а в период времени T, когда Y производит или воспринимает X в качестве средства передачи информации [Там же: 13].

Семантику можно разделить на две ключевые области: *узкую* и *широкую*. *Узкая семантика* берет в качестве своего объекта значения языковых единиц и составленных из них выражений [Там же: 14]. Данный подход к анализу появился в начальный период развития семантики, когда выполнение более комплексного анализа было затруднено из-за ограничений в области исследования. Недостатком указанного метода является то, что анализу поддаются только содержание предложений: морфемы, лексемы и предложения, – что делает невозможным анализ метафор и речи, требующей контекста [Там же: 15]. *Широкая семантика* охватывает значение языковых

выражений в конкретных условиях употребления и позволяет анализировать метафорические выражения [Кобозева, 2000: 14]. Широкая семантика переходит в область прагматики, так как, по мнению А.Е. Кибрика, «в область (широкой) семантики входит вся информация, которую говорящий имеет в виду при создании высказывания и которую слушающий должен восстановить, чтобы правильно интерпретировать это высказывание» [Кибрик, 1992: 25].

Семантика постоянно расширяет границы своих исследований. Многочисленные подходы в семантических исследованиях объединяются в два магистральных направления, называемых *сильной семантикой* (внешней семантикой) и *слабой семантикой* (внутренней семантикой). Оба направления в качестве объекта исследования определяют значение языковых единиц и языковых выражений, отличаются они лишь по способу восприятия значения.

Наиболее влиятельной школой сильной семантики является формальная семантика, в основе которой лежат идеи американского логика Р. Монтегю [Montague, 1974]. Сильная семантика относится к направлению в семантических исследованиях, которое фокусируется на логическом анализе и точном описании значений языковых выражений. Это направление использует формальные методы для определения и классификации значений, стремясь к созданию универсальных семантических теорий, применимых в различных контекстах. Сильная семантика связана с такими понятиями, как истина, ссылка и предикативность, и часто использует инструменты математической логики для формализации языковых структур.

Концепция слабой семантики предполагает, что слова и предложения имеют ограниченное значение и влияют на понимание текста в зависимости от контекста и ситуации, в которой они используются. Слабая семантика, с другой стороны, рассматривает значения языковых выражений как ментальные сущности, принадлежащие человеческому сознанию, а не описываемому миру. В этой области изучаются синонимия, инклюзивность

(последовательность), несовместимость (противоречивость), особенности сочетаемости языковых выражений, ограничения, накладываемые языковыми выражениями на ситуации употребления, анализ просодических особенностей и т.д. [Кобозева, 2000: 15].

Особое место в языкознании занимает такое направление, как когнитивная семантика, рассматривающая значение как ментальный феномен [Jackendoff, 1983; Langacker 1987; Ченки, 1996; 2002; Рахилина, 2000 и др.]. Когнитивная семантика опирается на ряд ключевых идей когнитивной психологии, изучающей процессы, связанные с восприятием мира человеком, такие как процессы приема, запоминания и обработки информации.

Значение можно анализировать с точки зрения морфем, лексем, предложений и даже контекста, так как языковая система обладает иерархической структурой [Кобозева, 2000: 51]. К тому же, некоторые значения напрямую связаны с онамотопеей фонем или звуковых символов, именуемых *звукосимволами* [Там же: 17].

Одной из ключевых идей в понимании смысла высказывания является различие между *виртуальным* и *актуальным* смыслами. Это различие ввел [Вайнрих, 1987], который объясняет его на примере слова «огонь». Если человек произносит только слово «огонь», то без контекста слушатель не поймет, что именно подразумевается под этим высказыванием. Это может восприниматься как огонь, бомбардировку или жару. Так, *виртуальные* смыслы – это смыслы, выраженные абстрактно, без уточнения. А значение языкового выражения, используемого в определенной ситуации речевого общения, называется *актуальным* значением этого выражения, которое ограничено контекстом.

Виртуальное значение обладает социальным характером. Носитель языка, знакомый с ним, обладает лишь ограниченным набором значений, но эти значения являются общими для всех членов языкового сообщества. Все его участники имеют одинаковые ожидания от последующей информации. А.М. Пешковский писал о соотношении актуального и виртуального

значения следующее: «Первый – это образ, возникающий при произнесении отдельного слова, второй – при произнесении того или иного словосочетания с этим же словом» [Пешковский, 1959: 93]. Первый есть лишь отвлечение от бесчисленного количества вторых, но статически это не меняет дела [Там же]. Этот образ, эта «абстракция», не является результатом научных размышлений, а представляет собой живой психологический факт, который даже можно рассматривать как сущность, противопоставляемую реальности.

И, наконец, важно отметить при интерпретации смысла, что, согласно принципу Х. Фреге, «смысл предложения (семантическая интерпретация) строится по определенным правилам, которые последовательно объединяют значения компонентов предложения (слов или словосочетаний), синтаксически связанных между собой» [Кобозева, 2000: 51]. С другой стороны, это также означает, что «значение единицы более высокого уровня не может быть сведено к простой сумме значений составляющих ее единиц более низкого уровня» [Там же: 51]. Это связано с тем, что любой диалог всегда происходит в определенном контексте.

1.2.2. Семантический треугольник как единство звука, значения и символа

Комплексность термина «значение» объясняется сложностью структуры языковых знаков, в которой взаимодействуют по меньшей мере четыре типа сущностей:

- категории действительного мира;
- мыслительные категории, присущие логике и психологии человеческого познания;
- прагматические факторы, то есть то, что связано с целенаправленным использованием языка в человеческой деятельности;
- отношения между знаками – единицами языковой системы [Кобозева, 2000: 43].

Хотя всю эту многомерную информацию можно назвать «значением» символа, термин «значение» иногда используется для обозначения только одного из типов информации, содержащейся в символе [Кобозева, 2000: 44]. Идеи соединения звука, значения и символа воплотились в концепции *семантического треугольника* или *треугольника референции*.

Семантический треугольник – это концепция в лингвистике и философии языка, которая помогает объяснить, как символы (слова) связаны с объектами, на которые они указывают, и с понятиями или идеями, которые они представляют. Семантический треугольник показывает, что значение слова не прямо связано с объектом, на который оно указывает, а скорее связано через концепт или понятие, которое у людей возникает в уме при его использовании. Это помогает понять, почему разные люди могут интерпретировать одно и то же слово по-разному, в зависимости от их личного опыта и знаний.

Первая модель была разработана в XX в. философами Ч. Огденом и А. Ричардсом [Ogden, Richards, 1923].

Рисунок 1. Семантический треугольник Огдена-Ричардса

Этот треугольник представляет собой положение, существующее со времен средневековой грамматики, о том, что форма языкового выражения обозначает «вещь» посредством «понятия», связанного с этой формой в сознании носителя языка. Каждая языковая единица является репрезентантом семиотической ситуации, которая представляет собой семиотический

треугольник, комбинирующий три величины: *мир реальности*, *мир понятий* и *мир смысла*.

Мир понятий обусловлен процессом восприятия действительности и стремится быть соответствующим ей. *Мир смысла* – это конкретный способ, которым мир понятий фиксируется в языке [Звегинцев, 1976: 193]. Существует субстанциональная позиция, рассматривающая смысл как материальную или идеальную субстанцию, и реляционная позиция, рассматривающая «смысл» как отношение между субстанциями.

В семантическом треугольнике Г. Стерна отождествляется с одной из вершин семантического треугольника, репрезентирующей информацию, передаваемую знаком, т.е. с понятием или с референтом (предметом). [Кобозева, 2000: 46].

Рисунок 2. Семантический треугольник Г. Стерна

Семантический треугольник Дж. Лайонса отличается от треугольника Г. Стерна тем, что слово помещено вне треугольника [Lyons, 1977]. Дж. Лайонс подчеркивал, что значение слова – это не статичная вещь, а скорее динамичное отношение между знаком и референтом, которое может меняться в зависимости от контекста и использования [Лайонз, 1978]. Эта модель помогает лингвистам и философам языка анализировать, как именно язык связывает мысли и реальный мир.

Рисунок 3. Семантический треугольник Дж. Лайонса

Таким образом, и Г. Стерн, и Дж. Лайонс рассматривают значение языковой формы (лат. *significatum*) в языке, основанном на средневековой традиции, как понятие, связанное с ней в сознании говорящего, приравнивая значение (слово) к понятию.

Философ и логик Г. Фреге, оказавший значительное влияние на развитие лингвистической семантики в XX в., выделял следующие три вершины: значение, форма и значение по отношению к внеязыковой реальности (в современной семантике – «денотация») [Фреге, 1977].

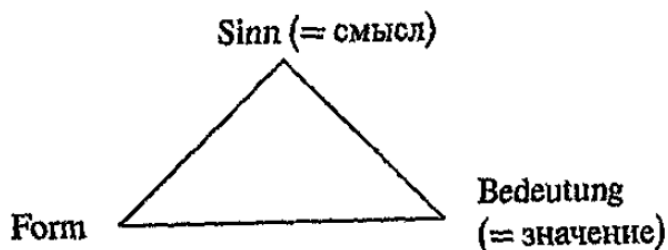

Рисунок 4. Семантический треугольник Г. Фреге

В основе изучения семантики лежит гипотеза, которая получила название «Принципа Фреге» и заключается в том, что синтаксические категории служат единицами семантической интерпретации, т.е. значение сложного выражения представляет собой совокупность его составных частей [Изворска, 2002: 207]. «Принцип Фреге» относится к фундаментальному различию, которое Г. Фреге ввел между *смыслом* (*Sinn*) и *значением* (*Bedeutung*) языковых выражений. Это различие является ключевым для понимания того, как слова и фразы связаны с объектами и идеями, которые

они представляют. Данный принцип помогает разрешать парадоксы и неоднозначности в языке, позволяя лучше понять, как мы используем слова для обозначения и передачи информации о мире вокруг нас. Он также важен для разработки формальных языков и логического анализа естественного языка.

Однако рассмотренные выше треугольники не затрагивают два ключевых аспекта языкового знака: синтактику и прагматику. Попытка учесть синтаксис в графической модели символов представлена в треугольнике В.А. Звегинцева, при помощи которого ученый объясняет понятие лексического значения [Звегинцев, 1957].

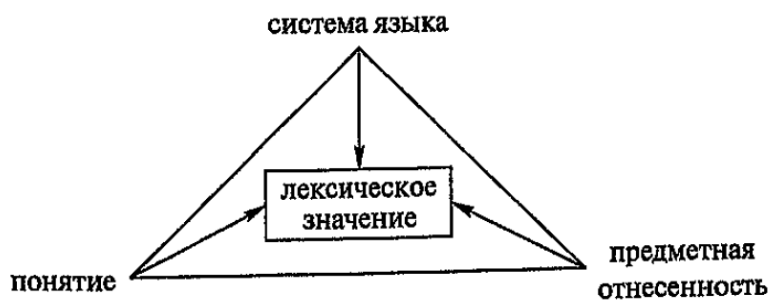

Рисунок 5. Семантический треугольник В.А. Звегинцева

Схема показывает, что значение слова определяется не только его соотносительностью с обозначаемым им объектом и представлениями о нем, но и соотношением данного слова с другими словами в языковой системе. Хотя эта диаграмма является синтаксисом слов-символов, поскольку рассматривает только парадигматические отношения с другими символами, а не синтаксические, ее преимущество в том, что значение слова не отождествляется с концептом [Кобозева, 2000: 47].

Существует также трапециевидная модель, которая различает языковое значение слова и содержание мысли, или концепт, связанный с этим словом. Значение слова включает в себя не только признаки соответствующего «наивного» концепта, но и другие виды информации: коннотативную, прагматическую, синтаксическую. Л.А. Новиков заменил треугольник

трапецией, чтобы отразить нетождественность языкового значения и концепта (как научного, так и наивного) в графической модели знака [Новиков, 1982: 91].

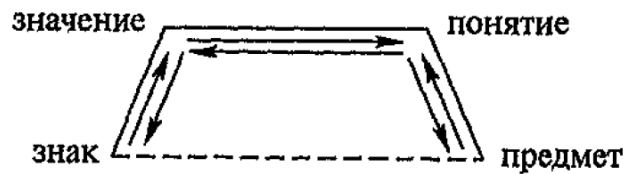

Рисунок 6. Трапециевидная модель Л.А. Новикова

Таким образом, с помощью символической фигуры происходит использование термина «значение» для обозначения того или иного аспекта информации, содержащейся в лингвистическом символе. Естественный способ избежать путаницы – дать каждому такому аспекту информации специальное название, отличное от «значения», и использовать термин «значение» в качестве синонима «символизации» и «планирования содержания». Наконец, для визуализации количества аспектов сигнификаторов (типов информации), которые необходимо выделить в системе семантических терминов, используется диаграммная модель сигнификатора (которая является модифицированным вариантом диаграммной модели Л.А.Новикова), синтезирующая все виды отношений, формирующих структуру сигнификатора.

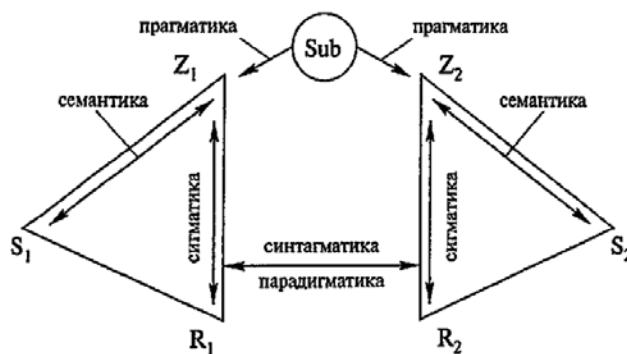

Рисунок 7. Диаграммная модель сигнификатора

В представленной схеме Sub указывает на пользователя, Z – на языковую форму, R – на объект или явление языковой реальности, к которому она относится, а S – «наивное» понятие R, выраженное с помощью Z. Стрелки указывают на связь между различными аспектами знака и аспектом знаковой ситуации (семиозиса), каждое из которых вносит в знак информацию различной природы, оставляя следы в целом, которое называется означающим и означаемым [Кобозева, 2000: 49].

Таким образом, различные ученые пытались прояснить структуру значения и сигнификата с помощью семантических треугольников. Семантические треугольники позволяют визуализировать смысловые отношения между элементами языка, такими как слово или понятие. В каждом треугольнике три угла представляют различные аспекты семантики, например: концептуальное значение слова, его ассоциации и контекст, в котором оно используется. Анализ семантических треугольников способствует лучшему пониманию структуры и взаимосвязи между словами и понятиями в языке.

В современной лингвистике существует обширная методология изучения значения. Одним из актуальных методов является *метод семантического дифференциала*, разработанный Ч. Осгудом [Osgood et al., 1957]. Данный метод представляет собой технику измерения коннотативного значения слов. Он основан на идее, что любое слово или фраза имеет ассоциативное значение, которое может быть оценено по нескольким измерениям, таким как «хорошо – плохо», «сильный – слабый» или «активный – пассивный». При проведении исследования методом семантического дифференциала респондентам предлагается оценить концепт (например, бренд, продукт, идею) по ряду оппозиций – биполярных прилагательных, разделенных шкалой. Эти прилагательные обычно располагаются на семибалльной шкале, где респонденты могут выбрать степень своего согласия или несогласия с каждым из прилагательных. На втором этапе исследования проводится анализ для определения общего

коннотативного профиля концепта, что позволяет исследователям выявить интерпретации у разных людей. Данный метод лег в основу практической части нашей работы.

1.3. Звук в системе языка

Звук в системе языка – это фундаментальный элемент фонетики и фонологии, изучающих, соответственно, физические и функциональные аспекты звуков речи. Идея о связи значения и звука отражена в концепции Г. Лейбница, в которой языки имеют «отприродное происхождение, отражающееся в гармонии между звуками и теми впечатлениями, которые оказывают на человека вещи» [Leibniz; цит. по: Кривошеева, 2014: 15]. Впоследствии В. фон Гумбольдт указывал на то, что отношения между звуком и значением зачастую не являются прямыми и интуитивно понятными, и порой мы можем только предполагать о ее существовании [Гумбольдт, 1984: 90]. Р.О. Якобсон указывает на взаимосвязь между тем, как носители языка воспринимают звуки, и самой звуковой системой языка, акцентируя внимание на между системоцентрическими и антропоцентрическими явлениями [Якобсон и др., 1996].

1.3.1. Типы фонации

Фонация – это процесс образования звука в голосовом аппарате человека. Этот процесс начинается, когда воздух из легких проходит через голосовые складки в гортани, заставляя их вибрировать. Вибрация создает звуковые волны, которые затем модулируются в речевом тракте, формируя различные звуки речи.

Под термином «фонация» в отечественной лингвистике понимают «голосовую модуляцию воздушного потока (инициации); различные конфигурации голосовой щели, дающие разные виды колебаний голосовых

связок, что отражается в изменении формы импульсов воздушного давления на выходе из гортани» [Кодзасов и др., 2001: 35, 41]. В работах зарубежных ученых мы также встречаем термин *voice quality* – «качество голоса», под которым понимают изменения общего звучания голоса, общей слуховой окраски голоса, не влияющие на фонематическое исполнение [Crystal, 1980; Laver, 1984; 2009; Roach, 1992 и др.]. Проводятся подробные научные исследования, которые раскрывают двухтерминантную природу качества голоса, состоящую, с одной стороны, в анатомо-физиологической организации речевого аппарата, а с другой стороны, в способности говорящего использовать строение мышечной ткани своего голосового аппарата с целью создания особого звукового эффекта [Pennington; цит. по: Пчелина, 2016: 172]. В отечественной лингвистике термин «качество голоса» приравнивается к термину «фонация» и рассматривается как четвертая характеристика просодической структуры наравне с тоном, темпом и громкостью [Кодзасов и др., 2001].

В рамках исследований голоса и речи были определены типы фонации, они классифицируются по различным характеристикам голосовых складок и воздушного потока при фонации. Большой вклад в исследование акустических, артикуляторных и аэродинамических характеристик типов фонации внесли исследователи П. Ладефогед и Дж. Лейвер.

В первой классификации П. Ладефогед было отмечено четыре типа фонации: *отсутствие голоса, придыхательный голос, нейтральный голос и скрипучий голос* [Ladefoged, 1974]. При *нейтральной фонации* (англ. яз.: *modal voice*) черпаловидные хрящи сведены, и голосовые связки колеблются по всей длине; при разведении черпаловидных хрящей ширина щели в прилегающей к хрящам части превышает предел, поэтому смыкаются и размыкаются лишь передние части голосовых связок [Кодзасов и др., 2001: 41]. Протекание воздуха через заднюю (открытую) часть щели создает шумовую составляющую, отчего голос становится *придыхательным* (англ. яз.: *breathy voice*) [Там же: 43]. Колебания в задней части голосовой щели не

возникают, если черпаловидные хрящи плотно сомкнуты; в таком случае вибрация возможна лишь в передней части связок, что ведет к необходимости усиления дыхательных усилий для голосообразования, что и является основой для формирования – это механизм образования *скрипучего* голоса (англ. яз.: creaky voice) [Кодзасов и др., 2001: 44]. Также существует конфигурация, когда задние части черпаловидных хрящей находятся в разведенном состоянии, в то время как голосовая щель остается закрытой. Это приводит к формированию прохода между хрящами, и при движении воздуха через него возникает характерный шум – таков механизм образования фонации *шепот* [Там же].

Позднее П. Ладефогед расширяет свою классификацию и выделяет 8 типов фонации, каждый из которых представляет собой множество состояний гортани, условно признаваемых тождественными: 1) разведенный; 2) глухой; 3) придыхательный; 4) мягкий; 5) нейтральный; 6) жесткий; 7) скрипучий и 8) сомкнутый [Ladefoged, 2001].

Дж. Лейвер выделяет следующие типы фонации: 1) нейтральный голос; 2) фальцет; 3) шепот; 4) скрипучий голос; 5) напряженный голос и 6) придыхательный голос [Laver, 1984; 2009].

Производство *нейтрального голоса* осуществляется при умеренном аддуктивном напряжении и умеренном медиальном сжатии, а также при умеренном продольном напряжении, когда основная частота находится в нижней части диапазона, используемого в обычной речи. Вибрация гортани в этом состоянии является регулярно периодической, эффективной для производства вибрации и происходит без слышимого трения, вызванного неполным закрытием гортани [Laver, 2009: 111].

С акустической точки зрения *фальцет* характеризуется рядом факторов: первый из них заключается в том, что основная частота имеет тенденцию быть значительно выше, чем у нейтрального голоса [Там же: 119]. Механизм управления высотой тона отличается от механизма в нейтральном голосе. Вторая акустическая характеристика проистекает из взаимодействия

высокой основной частоты и режима вибрации голосовых связок [Laver, 2009: 120]. Третья акустическая характеристика заключается в том, что наклон спектра ларингальной волны значительно круче, чем для нейтрального голоса, снижаясь примерно на 20 дБ на октаву [Там же].

Шепот характеризуется низким напряжением внутренних теноровых мышц, но довольно высокой медиальной компрессией. Гортанная вибрация очень неэффективна и сопровождается высоким уровнем шума, формируемым фрикацией [Там же: 121].

Опираясь на исследование И. Фонаги [Fonagi, 1962], Дж. Лейвер описывает *скрипучий голос* как состояние, при котором вентрикулярные складки плотно прижаты друг к другу, голосовые связки плотно сжаты, и воздушный столб вертикально через гортань сужен до линии. Все это соответствует картине, предложенной Г. Холлиеном о фонации с сильным аддуктивным напряжением и медиальным сжатием [Hollien, 1974], но с небольшим продольным напряжением и с активным участием вентрикулярных складок.

Акустические характеристики *напряженного голоса* в основном связаны с нерегулярностью формы глоттальной волны и спектральным шумом. Нерегулярный, аperiодический шум в спектре голосовых связок является отличительной чертой данного типа фонации. Напряженный тип также характеризуется аperiодичностью или шумом в спектре, нормальным уровнем основной частоты и большими, чем обычно, колебаниями вокруг средней основной частоты [Laver, 2009: 127].

Придыхательный голос – тип фонации, при котором голос может быть воспроизведен при очень широком диапазоне потока воздуха [Там же: 132]. Это означает, что для создания дыхательного голоса не требуется строго определенное количество воздуха; скорее, он может быть достигнут при различных уровнях давления и скорости потока воздуха, что делает его гибким и изменчивым в зависимости от желаемого звучания. Придыхание – это качество, которое довольно часто слышно как модификация

нейтрального голоса, придающее голосу придыхательный оттенок. По сравнению с нейтральным голосом, режим вибрации голосовых связок при придыхательном голосе неэффективен и сопровождается легким слышимым трением [Laver, 2009: 132]. Мышечное усилие низкое, в результате чего глоттис остается несколько открытым на большей части своей длины, и связки никогда не соприкасаются по средней линии. Поскольку каждое движение закрытия связок обычно бывает недостаточным, уменьшенное глоттальное сопротивление приводит к более высокой скорости потока воздуха, чем в нейтральном голосе [Там же: 132].

Японский лингвист К. Акита, опираясь на классификацию Дж. Лейвера, провел исследование, которое выявило корреляцию между типом фонации и интерпретацией звукоизобразительных единиц [Akita, 2021]. В исследовании были задействованы четыре из шести типов фонации: *нейтральный голос*, *хриплый голос*, *фальцет* и *шепот*. Два других типа фонации были исключены, поскольку респондентам было трудно отличить их от нейтральных голосов.

Японские респонденты слышали 12 новых слов, состоящих из гласных (a и i) и согласных (b, p, t, d, k, g), которые были произнесены четырьмя типами фонации. Респондентам нужно было оценить размер, округлость, остроту и другие параметры, которые, по их мнению, представляли каждый из 48 стимулов по семибалльной шкале. Результаты показали, что типы фонации, а также согласные и гласные особенности влияли на оценки. *Скрипучий голос* ассоциировался с более крупными и более острыми образами, чем *нейтральный голос*, который, в свою очередь, ассоциировался с более крупными и более острыми образами, чем шепот. *Фальцет* также ассоциировался с округлостью, но не с маленьким размером. Эти результаты проливают новый свет на акустические подходы к феномену звукоимеобразности и подчеркивают значимость типов фонации и других супrasegmentальных особенностей в этом явлении.

1.3.2. Современная концепция звукоизобразительности

Долгое время в лингвистических кругах преобладало мнение о непродуктивности и малочисленности звукоизобразительной лексики в языке. Однако уже к середине XX в. это представление было опровергнуто. Исследования в разнообразных языках мира и продвинутые методы исследования позволили ученым обнаружить, что объем звукоизобразительных слов значительно шире, чем предполагалось ранее, и требует более глубокого и всестороннего изучения.

Исследование звукоизобразительной лексики началось с африканских языков и позднее расширилось до других языковых семей (японский язык, индоевропейские языки, литовский и кавказские языки). Произошло постепенное накопление основных знаний для лучшего описания звукоизобразительной лексики. В начале 1970-х гг. были объединены исследования о разных языках со всего мира и рассмотрена общая языковая особенность этой лексики, а в период с 1970 по 1980 гг. звукоизобразительная лексика стала более важным элементом в лингвистике и оказала влияние на различные сферы общей лингвистики.

Ключевую роль в развитии современной концепции звукоизобразительности сыграл профессор Санкт-Петербургского государственного университета С.В. Воронин, который определил звукоизобразительную систему как «уникальную, естественную, экстраинтралингвистическую, гипервариативную, гипераномальную, периферийноцентральную, примарно мотивированную языковую систему» [Воронин, 2006: 166]. Звукоизобразительная система любого языка состоит из двух подсистем: *звукоподражательной* и *звукосимволической* [Шляхова, Шестакова, 2010]. А.Б. Михалев определяет звукоподражание как «имитацию звуковой стороны объекта, явления, действительности средствами языка», а звукосимволизм как «имитацию незвучащей стороны

языка, объекта, явления действительности средствами языка» [Михалев, 1995: 23–24].

Подобно звукоизобразительной системе, звукоизобразительная лексика также может быть двух типов: *звукоподражательная* и *звукосимволичная*. Звукосимволическая лексика (или «идеафон») – слова, фонетический (звуковой) облик которых мотивирован положенным в основу номинации (наименования) незвуковым признаком обозначаемого предмета [Воронин, 1990]. Звукоподражательная лексика (или «ономатопея») – это слова, обладающие закономерной и произвольной фонетически мотивированной связью между фонемами слова и полагаемым в основу номинации звуковым (акустическим) признаком денотата (мотивом) [Там же]. И если для звукоподражательного слова всегда имеется полная ясность относительно возможных признаков, полагаемых в основу номинации (эти признаки всегда представляют собой звук), то для звукосимволического слова полной ясности относительно таких признаков нет [Воронин, 2006: 87].

Звукоизобразительная лексика также разделяется на две группы с точки зрения частей речи. Первая выражается в основном в существительных и глаголах, а они имеют некоторые общие аффиксы. Например, существительное *flick* (рус. яз.: «резкое движение») и глагол *flap* (рус. яз.: «махать») в английском языке имеют общее абстрактное значение (рус. яз.: «быстрое движение») [小倉, 2016: 25]. Ко второй группе относятся в основном междометия, где само слово имитирует звук, например, лай собак в русском языке (гав-гав) и чувство предвкушения и радости в японском (яп. яз.: わくわく /ваку-ваку /) [Там же].

Одним из первых, кто попытался дать определение ономатопеи, был В. фон Гумбольдт, который рассматривал ее как лексику, имитирующую звуки природы с высокой степенью точности по отношению к источнику, «насколько членораздельные звуки в состоянии передать нечленораздельные» [Гумбольдт, 1984: 93]. С.В. Воронин, в свою очередь, определял ономатопею не как восприятие внешнего мира, а как

«закономерную непроизвольную, фонетически мотивированную связь между фонемами слова и полагаемым в основу номинации звуковым признаком денотата» [Воронин, 2006: 39]. Данная дефиниция подчеркивает ключевую роль внутренней мотивированности языкового знака в звукоподражании.

Основным отличием звукоподражательной лексики является то, что она представляет собой иконические знаки, т.е. знаки, которые непосредственно воспроизводят существенные признаки объекта [Румак, 2007: 26]. Однако иконичность звукоподражаний всегда сочетается с некоторой степенью конвенциональности, поскольку один и тот же звук окружающей реальности может выражаться совершенно по-разному в разных языках [Комарницкая, 1985: 98].

Звукоизобразительная лексика обладает особыми фонологическими и словообразовательными свойствами. С точки зрения фонологии, если звукоизобразительная лексема выступает в роли наречия (за исключением некоторых непрерывно звучащих звуков животных, как, например, мычание коровы – «мууу») или механических звуков (например, шум двигателя – «бррр»), она может использоваться как одним словом, так и с дубликацией, чтобы указать на то, были ли эти действия однократными, повторяющимися или продолжительными (например: хлоп-хлоп – «хлопает несколько раз» и «хахаха» – «продолжительный смех человека») [吉永, 2019: 77]. Именно среди звукоизобразительной лексики этого типа, независимо от языка, часто встречаются редуцированные формы. В предложении они обычно выступают в роли наречия, добавляющего звуковую информацию к действию, но также могут быть вербализованы путем добавления аффикса или глагола (например: каркать – кар + ать), использоваться как прилагательное с помощью трансформации от глагольных форм (например, каркающий) или употребляться как существительное для указания на источник звука, к примеру, при обращении к ребенку, чтобы он мог интуитивно понять, о чем речь (например, このわんわんが大好き – я очень люблю эту гав-гав) [田守, 1998: 218]. С точки зрения семантики, многие

звукоподражательные лексемы, обозначающие звуки животных, являются однозначными, в то время как звуко-символические лексемы могут быть многозначными (например, ごろごろ /горо-горо/ может означать «звук грома», «звук отдыха дома», «звук катящихся крупных предметов» и т.д. [三上, 2004: 68]).

Агглютинативные языки (к которым относится японский язык), наряду с синтетическими, довольно легко принимают оноματοпоэтические слова в свой состав [Румак, 2007: 28]. Со временем такая лексика может стать неотъемлемой частью языковой системы и в конечном итоге рассматриваться как общеупотребительные слова, а не как звукоподражательные, из-за изменений, которым они подвергаются.

1.3.3. Звукоизобразительная лексика японского и русского языков

Звукоизобразительная лексика занимает важное место в японском языке: она не только многочисленна (разные ученые насчитывают от 1200 до 2300 единиц), но и широко используется в речи [Morita, 1953; Shigeo, 1995]. В большинстве европейских языков подобные лексические единицы находятся на периферии языковой системы и, соответственно, употребляются редко и зачастую стилистически ограничены [Соссюр, 2004: 153]. В русском языке количество звукоизобразительной лексики варьируется в зависимости от каждого исследования (Е.Е. Рудь – 349 слов [Рудь, 2015], А.А. Нуруллова – 144 слов [Нуруллова, 2013]).

В японском языке звукоизобразительные единицы не только не являются периферийными, но составляют значительную долю языка [三戸, 寛, 1984: 13]. Кроме того, звукоизобразительные лексемы практически не ограничены контекстом: благодаря своей образности и запоминаемости японская звукоизобразительная лексика широко используется в рекламе

[Nishimi, 2016: 230]; также она часто встречается в художественной литературе, в комиксах, в статьях и т.д.

Среди японских лингвистов отсутствует консенсус по вопросу терминологии для классификации звукоподражательной лексики. Исследователи фоносемантики в японском языке до настоящего времени не смогли унифицировать терминологию, и хотя иногда они используют одинаковые термины, подразумевают под ними разные понятия.

Традиционно в японском языке выделяют два или три класса звукоизобразительной лексики: гионго (擬音語), гисэйго (擬声語) и гитайго (擬態語) [浅野鶴子, 金田一春彦, 1978].

Термин «гионго» является японским аналогом термина *звукоподражание/ономатопея* в его узком смысле и номинирует «лексическое подражание звуку». А.А. Подшибякина определяет *гионго* как «слова, призванные обозначать голоса или звуки воздействия на неодушевленные предметы и передавать их в звуковой форме» [Подшибякина, 2003: 13]. Х. Сигэо под термином *гионго* объединяет понятия *гионго* и *гисэйго* и предлагает его следующее определение: «гионго – это слова, обозначающие звуки внешнего мира, производимые одушевленными или неодушевленными предметами» [Shigeo, 1995: 20]. Три класса звукоизобразительных слов в японском языке выделяет и Х. Иносэ, однако в отличие от А.А. Подшибякиной определяет *гионго* как «слова, подражающие естественным, природным звукам» [Inose, 2008: 98].

Термин *гисэйго* (擬声語) номинирует «лексическое подражание голосу». У А.А. Подшибякиной *гисэйго* – это «более узкий термин, чем гионго, используемый, как правило, для передачи голосов птиц, животных, человека» [Подшибякина, 2003: 13]. *Гисэйго* передают впечатления, возникающие от действий или эмоциональных состояний, например, тишина, улыбка или удивление. В отличие от *гионго*, которые имитируют реальные звуки, *гисэйго* выражают более абстрактные понятия. Ряд ученых не выделяет *гисэйго* в качестве отдельного понятия, а объединяет вместе с

гионго [Shigeo, 1995: 21].

Согласно А.А. Подшибякиной, *гитайго* – это «слова, образно или символически описывающие состояния, явления и перемены» [Подшибякина, 2003: 14]. Данный класс звукоизобразительной лексики может обозначать состояние неодушевленных предметов, физическое и эмоциональное состояние человека и других живых существ. Х. Сигэо определяет гитайго как «слова, при помощи звуков в символической форме передающие незвуковые явления» [Shigeo, 1995: 21]. А. Мацумура под *гитайго* понимает «слова, вызывающие то или иное образное представление у слушающего» [松村, 2019], по этой причине их иногда называют образно-подражательными. Х. Иносэ определяет *гитайго* как «слова, которые описывают визуальные, тактильные или другие незвуковые состояния» [Inose, 2008: 98]. В отличие от *гисэйго*, которые передают эмоциональные состояния или чувства, *гитайго* используются для имитации звуков, связанных с действиями или состояниями объектов, например, шаги, удары, сверкание или мерцание. Эти слова помогают создать более наглядное и живое описание в языке.

А.А. Подшибякина предлагает достаточно подробную классификацию звукоизобразительных слов по их значению [Подшибякина, 2003]. В данной классификации рассмотрен класс *гитайго*, при помощи которого в японском языке обозначаются и выражаются следующие признаки:

- 1) черты характера человека;
- 2) личные отношения между людьми;
- 3) отношение к работе, деньгам, обязанностям;
- 4) физические аспекты (внешность, выражение лица, выражение глаз, состояние тела);
- 5) эмоциональные аспекты;
- 6) психологические аспекты;
- 7) характеристика речевого акта;
- 8) действия, производимые людьми и животными;

- 9) направленность движения;
- 10) форма, структура, размер;
- 11) различные состояния (окружающей среды, положение дел и другие)

[Подшибякина, 2003: 13].

С. Акуцу, в свою очередь, выделил три основные группы в составе звукоизобразительной лексики японского языка множество подгрупп [阿久津, 1994].

- 1) звукосимволические слова, описывающие чувства и состояния людей;
- 2) звукосимволические слова, описывающие действия людей;
- 3) звукоподражательные и звукосимволические слова, описывающие положение и состояние вещей [Там же: 10].

К. Акита разработал критерии для классификации звукоизобразительной лексики с точки зрения степени выразительности. Ученый распределил различные темы, которые могут быть выражены с помощью языка, на 4 уровня:

- 1) голос, звук;
- 2) движение, форма, узор, осязание;
- 3) тактильность, эмоции, вкус, запах, цвет;
- 4) логическое отношение [秋田, 2017].

Таким образом, звукоизобразительная лексика играет ключевую роль в японском языке, отличаясь большим количеством и широким использованием в различных контекстах. В отличие от многих европейских языков, где такие слова являются периферийными, в японском языке они составляют значительную часть и используются во многих сферах, включая рекламу и литературу. Терминология для классификации звукоизобразительной лексики в японском языке не унифицирована, и существует несколько подходов к ее определению и классификации. Традиционно выделяют три основных класса: гионго, гисэйго и гитайго,

каждый из которых описывает различные аспекты звуко-символизма, отражая разнообразие и богатство японского языка.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

В первой главе рассмотрены основные теоретические аспекты исследования, связанные со звукоизобразительной лексикой.

Проанализировав широкий круг источников, посвященных изучению языкового знака, мы, пользуясь методами теоретического анализа и синтеза, установили, что существует четыре концепции изучения феномена языкового знака. Ф. де Соссюр представляет знак как двухсторонний, связывающий акустические образы и значения в мозгу. Ч. Пирс добавляет третью сторону – человека, делая знак трехсторонним и подчеркивая его значение при коммуникации. Ч. Моррис расширяет до четырех сторон, включая биологический мир и интерпретатора в процессе. В.М. Солнцев рассматривает знак с позиции односторонней сущности, где значение существует в уме, а знак – лишь указатель на это значение.

В ходе исследования выявлено, что языковые знаки получают значение в контексте других знаков, и их понимание зависит от социального консенсуса. Р.О. Якобсон и Ж. Деррида подчеркивают, что значение знаков не фиксировано и изменяется в зависимости от контекста и взаимодействия с другими знаками, что делает язык динамичным и развивающимся.

Для понимания специфики феномена языкового знака мы обратились к проблеме его мотивированности. Данный вопрос восходит к древнегреческим философам: Платон писал, что некоторые имена созданы природой, а другие – по соглашению, а Аристотель, в свою очередь, утверждал, что все имена возникают по соглашению. Ф. де Соссюр ввел принцип произвольности языкового знака и утверждал примат его немотивированности, однако признал мотивированность в символах и звукоизобразительной лексике. Э. Бенвенист, не соглашаясь с Ф. де Соссюром, утверждал, что связь между означаемым и означающим всегда необходима. Э. Сепир признал конвенциональную природу языка, но также указал на первоначальную мотивированность символов. Таким

образом, споры о мотивированности и немотивированности языковых знаков продолжают на предмет различия между естественной ассоциацией знаков и их значений и произвольным характером этой связи.

Анализ теоретических источников по семантике языкового знака позволил провести дифференциацию терминов «значение» и «смысл». «Значение» – это общепринятое определение, статичное и не зависящее от контекста, «смысл» – это информация, передаваемая словом в конкретном контексте, более субъективная и изменчивая. Лингвисты выделяют узкую и широкую семантику. Узкая семантика фокусируется на значениях языковых единиц, в то время как широкая относится к интерпретации слова или фразы, включающей в себя все возможные значения и контексты, в которых оно может быть использовано.

Значение представляет собой многогранное явление, включающее в себя различные аспекты: реальные объекты, мыслительные категории, прагматические факторы и отношения между знаками. Установить связь между словом, объектом и понятиями помогают семантические треугольники, авторы которых подчеркивают, что значение слова формируется не только его прямой связью с объектом, но и через понятия в уме человека. Различные модели семантических треугольников (треугольник Огдена-Ричардса, треугольник Г. Стерна, Дж. Лайонса и Г. Фреге) иллюстрируют разные подходы к пониманию значения слов: от статичного понимания до динамичного, где значение изменяется в зависимости от контекста.

Еще одним ключевым элементом в структуре языка является звук. Звук играет важную роль в областях фонетики и фонологии, которые рассматривают его физические характеристики и роль в коммуникации. Прямую связь между звуком и его значением передает звукоизобразительная лексика, которая использует звуки для имитации реальных звуковых явлений или для передачи ощущений.

Фонация – это процесс создания звука голосовыми связками человека, который начинается с вибрации голосовых складок в гортани под действием

воздушного потока из легких. Эти вибрации преобразуются в речевые звуки в речевом тракте. В лингвистике фонация описывается через различные конфигурации голосовой щели и колебания голосовых связок, что влияет на форму импульсов воздушного давления на выходе из гортани. Термин «качество голоса» (voice quality) связан с анатомо-физиологической организацией речевого аппарата и способностью говорящего создавать особые звуковые эффекты. Типы фонации, такие как *нейтральный голос*, *фальцет*, *шепот* и *скрипучий голос* и др. классифицируются по характеристикам голосовых складок и воздушного потока. Исследования показали, что разные типы фонации могут ассоциироваться с различными звуковыми образами, например, скрипучий голос с большими и острыми образами, а шепот – с меньшими. Это подчеркивает значимость фонации и супrasegmentальных особенностей в звуко-символизме.

Звукоизобразительные слова занимают центральное место в японском языке, выделяясь их обилием и разнообразием применения во множестве контекстов. В отличие от европейских языков, где подобная лексика встречается реже и имеет ограниченный функционал, в японском она играет важную роль и широко используется в таких областях, как реклама и художественная литература. Классификация звукоизобразительных слов в японском языке не стандартизирована, и существует несколько методов для их определения и категоризации: обычно различают три главных типа – гионго, гисэйго и гитайго, которые охватывают разные аспекты звукоподражания и символизма, отражая тем самым богатую палитру семантики японского языка. Эти категории способствуют передаче не только звуков, но и эмоций, движений и даже логических связей, что делает японский язык особенно выразительным и эффективным средством коммуникации.

ГЛАВА 2. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОНОМАТОПОВ ЯПОНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

В практической части исследования мы провели два эксперимента со звукоизобразительной лексикой для установления корреляций между коннотативным значением звукоизобразительных единиц и шестью типами фонации, описанными Дж. Лейвером: *нейтральный голос, фальцет, шепот, скрипучий голос, напряженный голос и придыхательный голос* [Laver, 2009]. В фокусе нашего исследовательского внимания находится интерпретация респондентов, под которой мы понимаем установление смысла, вольную трактовку текстовых структур любых вербальных и невербальных знаковых систем. В процессе анализа будут выявлены и описаны аудиальные характеристики лексико-семантических коррелятов ономатопов в японском и русском языках.

2.1. Описание эксперимента

Эксперимент проводился с использованием метода *семантического дифференциала*, разработанного Осгудом [Osgood et al., 1957], который до сих пор находит применение в различных оценочных экспериментах по изучению образа слов, продуктов и т.д. Метод семантического дифференциала широко используется с момента его разработки в различных областях науки, включая звуко-символизм [Inoue, 1985].

В качестве первого этапа практической части исследования мы провели эксперимент, в ходе которого предложили носителям японского и русского языков прослушать 48 аудиозаписей, звукоизобразительной лексики, которые произносились разными типами фонации.

Для эксперимента были выбраны звукоизобразительные единицы, содержащие в себе звук «А», фонологические и акустические свойства которого практически идентичны в русском и японском языках. Этот

гласный произносится с относительно расслабленным положением языка и формой рта по сравнению с другими гласными, что, как ожидается, минимизирует нагрузку на участников записи речи, которые должны генерировать его, используя различные артикуляционные приемы.

Фоновая информация, то есть лексическая информация и контекст, оказывает значительное влияние на суждения, сделанные при анализе интерпретаций респондентов. Например, если в звук, по которому измеряется интерпретация, включено слово «заболевания», оно, скорее всего, будет ассоциироваться с образами, связанными с каким-либо физическим заболеванием, например, «слабый» или «старый», что может иметь как положительный, так и отрицательный эффект.

Респондентам было необходимо интерпретировать услышанное, используя предложенные оппозиции: «светлый/темный», «далекий/близкий», «чистый/грязный» и др. Для проведения анализа методом семантического дифференциала было отобрано 22 пары прилагательных. Поскольку наш эксперимент проводился на русском и японском языках, в исследовании были задействованы Национального корпуса русского языка и японский корпус BCCWJ.

В данном исследовании были выбраны прилагательные, относящиеся к биологическим (лошадь, собака, человек), одушевленным (лошадь, собака, человек) и неодушевленным (молоток, мяч, вода) категориям. Эти категории основаны на методике К. Накамото и были выбраны для сравнения с результатами первого эксперимента [仲本, 2014]. В выборе прилагательных мы ориентировались на исследования Ч. Осгуда и С.В. Воронина, чтобы выбрать наиболее общие и сопоставимые термины. В результате были выбраны следующие оппозиции: 好・嫌 «любимый/ненавистный», 明・暗 «светлый/темный», 綺・汚 «чистый/грязный», 美味・不味 «вкусный/невкусный», 芳・臭 «ароматный/зловонный», 熱・冷 «горячий/холодный», 大・小 «большой/маленький», 近・遠

«близкий/далекий», 柔・硬 «мягкий/твердый», 軽・重 «легкий/тяжелый», 強・弱 «сильный/слабый», 安・危 «неопасный/опасный», 新・古 «новый/старый», «健・病» здоровый/больной, 優・蔽 «добрый/злой», リ・緊 «расслабленный/напряженный», 喜・悲 «радостный/грустный», 驚・警 «восхищенный/настороженный», 信・嫌 «доверчивый/враждебный», 恐・怒 «обороняющийся/агрессивный», ア・パ «активный/пассивный», ポ・ネ «позитивный/негативный».

Пример 1.

音声を聞いて印象を選んでください。

評価する対象：犬

(つまり、「犬は[形容詞]です」

この音声の文章：道路で犬が吠えています「わんわん」

Объект оценки: собака.

Прслушайте аудиозапись и интерпретируйте услышанное по схеме «собака – [прилагательное]».

Собака на дороге лает: «гав-гав»».

1 пара:

- очень нравится
- довольно нравится
- немного нравится
- ни то, ни другое
- немного не нравится
- довольно не нравится
- очень не нравится

2 пара:

- очень красивая
- довольно красивая
- немного красивая

第一ペア:

- 非常に好き
- とても好き
- やや好き
- どちらでもない
- やや嫌い
- とても嫌い
- 非常に嫌い

第二ペア:

- 非常に美しい
- とても美しい
- やや美しい

- ни то, ни другое
- немного уродливая
- довольно уродливая
- очень уродливая

3 пара:

- очень ароматная
- довольно ароматная
- немного ароматная
- ни то, ни другое
- немного зловонная
- довольно зловонная
- очень зловонная

4 пара:

- очень теплая
- довольно теплая
- немного теплая
- ни то, ни другое
- немного холодная
- довольно холодная
- очень холодная

5 пара:

- очень большая
- довольно большая
- немного большая
- ни то, ни другое
- немного маленькая
- довольно маленькая
- очень маленькая

6 пара:

- очень близкая

- どちらでもない
- やや醜い
- とても醜い
- 非常に醜い

第三ペア :

- 非常に臭い
- とても臭い
- やや臭い
- どちらでもない
- やや芳しい
- とても芳しい
- 非常に芳しい

第四ペア :

- 非常に温かい
- とても温かい
- やや温かい
- どちらでもない
- やや冷たい
- とても冷たい
- 非常に冷たい

第五ペア :

- 非常に大きい
- とても大きい
- やや大きい
- どちらでもない
- やや小さい
- とても小さい
- 非常に小さい

第六ペア :

- 非常に近い

- довольно близкая
- немного близкая
- ни то, ни другое
- немного далекая
- довольно далекая
- очень далекая

7 пара:

- очень мягкая
- довольно мягкая
- немного мягкая
- ни то, ни другое
- немного твердая
- довольно твердая
- очень твердая

8 пара:

- очень легкая
- довольно легкая
- немного легкая
- ни то, ни другое
- немного тяжелая
- довольно тяжелая
- очень тяжелая

9 пара:

- очень сильная
- довольно сильная
- немного сильная
- ни то, ни другое
- немного слабая
- довольно слабая
- очень слабая

- とても近い
- やや近い
- どちらでもない
- やや遠い
- とても遠い
- 非常に遠い

第七ペア :

- 非常に柔らかい
- とても柔らかい
- やや柔らかい
- どちらでもない
- やや硬い
- とても硬い
- 非常に硬い

第八ペア :

- 非常に軽い
- とても軽い
- やや軽い
- どちらでもない
- やや重い
- とても重い
- 非常に重い

第九ペア :

- 非常に強い
- とても強い
- やや強い
- どちらでもない
- やや弱い
- とても弱い
- 非常に弱い

10 пара:

- очень опасная
- довольно опасная
- немного опасная
- ни то, ни другое
- немного неопасная
- довольно неопасная
- очень неопасная

11 пара:

- очень молодая
- довольно молодая
- немного молодая
- ни то, ни другое
- немного старая
- довольно старая
- очень старая

12 пара:

- очень добрая
- довольно добрая
- немного добрая
- ни то, ни другое
- немного злая
- довольно злая
- очень злая

13 пара:

- очень напряженная
- довольно напряженная
- немного напряженная
- ни то, ни другое
- немного расслабленная

第十ペア :

- 非常に危険
- とても危険
- やや危険
- どちらでもない
- やや安全
- とても安全
- 非常に安全

第十一ペア :

- 非常に若い
- とても若い
- やや若い
- どちらでもない
- やや年老いた
- とても年老いた
- 非常に年老いた

第十二ペア :

- 非常に優しい
- とても優しい
- やや優しい
- どちらでもない
- やや厳しい
- とても厳しい
- 非常に厳しい

第十三ペア :

- 非常に緊張している
- とても緊張している
- やや緊張している
- どちらでもない
- ややリラックスしている

- довольно расслабленная
- очень расслабленная

14 пара:

- очень здоровая
- довольно здоровая
- немного здоровая
- ни то, ни другое
- немного больная
- довольно больная
- очень больная

15 пара:

- очень радостная
- довольно радостная
- немного радостная
- ни то, ни другое
- немного грустная
- довольно грустная
- очень грустная

16 пара:

- очень доверчивая
- довольно доверчивая
- немного доверчивая
- ни то, ни другое
- немного враждебная
- довольно враждебная
- очень враждебная

17 пара:

- очень пассивная
- довольно пассивная
- немного пассивная

- とてもリラックスしている
- 非常にリラックスしている

第十四ペア:

- 非常に健康
- とても健康
- やや健康
- どちらでもない
- やや病気だ
- とても病気だ
- 非常に病気だ

第十五ペア:

- 非常に喜んでいる
- とても喜んでいる
- やや喜んでいる
- どちらでもない
- やや悲しんでいる
- とても悲しんでいる
- 非常に悲しんでいる

第十六ペア:

- 非常に信頼している
- とても信頼している
- やや信頼している
- どちらでもない
- やや嫌っている
- とても嫌っている
- 非常に嫌っている

第十七ペア:

- 非常にパッシブ
- とてもパッシブ
- ややパッシブ

- ни то, ни другое
- немного активная
- довольно активная
- очень активная

18 пара:

- очень восхищенная
- довольно восхищенная
- немного восхищенная
- ни то, ни другое
- немного настороженная
- довольно настороженная
- очень настороженная

19 пара:

- очень обороняющаяся
- довольно обороняющаяся
- немного обороняющаяся
- ни то, ни другое
- немного агрессивная
- довольно агрессивная
- очень агрессивная

20 пара:

- очень позитивная
- довольно позитивная
- немного позитивная
- ни то, ни другое
- немного негативная
- довольно негативная
- очень негативная

21 пара:

- очень светлая

- どちらでもない
- ややアクティブ
- とてもアクティブ
- 非常にアクティブ

第十八ペア:

- 非常に驚いている
- とても驚いている
- やや驚いている
- どちらでもない
- やや警戒している
- とても警戒している
- 非常に警戒している

第十九ペア:

- 非常に恐れている
- とても恐れている
- やや恐れている
- どちらでもない
- やや怒っている
- とても怒っている
- 非常に怒っている

第二十ペア:

- 非常にポジティブ
- とてもポジティブ
- ややポジティブ
- どちらでもない
- ややネガティブ
- とてもネガティブ
- 非常にネガティブ

第二十一ペア:

- 非常に明るい

- довольно светлая
- немного светлая
- ни то, ни другое
- немного темная
- довольно темная
- очень темная

22 пара:

- очень вкусная
- довольно вкусная
- немного вкусная
- ни то, ни другое
- немного невкусная
- довольно невкусная
- очень невкусная

- とても明るい
- やや明るい
- どちらでもない
- やや暗い
- とても暗い
- 非常に暗い

第二十二ペア :

- 非常に美味しい
- とても美味しい
- やや美味しい
- どちらでもない
- やや不味い
- とても不味い
- 非常に不味い

В качестве дикторов выступили мужчина-носитель русского языка (39 лет), женщина-носитель русского языка (36 лет), мужчина-носитель японского языка (32 года) и женщина-носитель японского языка (31 год), все они были относительно близки по возрасту, поскольку эксперимент также был направлен на выявление корреляций с гендерной и языковой принадлежностью.

Запись проводилась в НОЦ «Японский центр СФУ» в тихой обстановке, без посторонних шумов. В качестве записывающего оборудования использовались микрофон AVerMedia AM310 и ноутбук MacBook Air M2. Запись производилась с помощью встроенного в MacBook Air приложения «Голосовые заметки».

В инструкции к записи было указано, что громкость звуков не должна меняться в течение 4 секунд, а громкость голосов – между отдельными записями. Типы фонации соответствуют образцам речи, взятых из «Фонетического описания типов фонации в языке Demos» Мюнхенского университета Людвига-Максимилиана. Запись каждого голоса основывалась

на слуховом восприятии с последующей объективной проверкой с помощью функции «анализ временных и частотных характеристик» в программе редактирования аудио WavePad и звуковой формы в Emu-webApp. Идентификация голоса основывалась на голосах, перечисленных в «Фонетическом описании фонации в языковых демонстрациях», составленном Мюнхенским университетом Людвиг-Максимилиана.

В эксперименте 1 приняли участие 60 человек (14 русских мужчин, 13 русских женщин, 9 японских мужчин, 26 японских женщин), в эксперименте 2 – 45 человек (8 русских мужчин, 12 русских женщин, 13 японских мужчин, 12 японских женщин). Анкетирование проводилось с помощью Zoho Survey. Во время эксперимента участников мы попросили надеть наушники или вкладыши и находиться в одиночестве в тихой комнате. Им также было необходимо отрегулировать громкость компьютера в начале эксперимента и не изменять громкость в процессе. На втором этапе мы, следуя концепции К. Акиты о существовании звукосимволической функции гиперсегментных звуков [Akita, 2021], проанализируем корреляции между типом фонации и значением звукосимволической лексики, сосредоточившись на паралингвистических элементах речи, которые могут влиять на все предложение, а не на фонемы, составляющие слова, в частности на фонации, которая является источником всех звуков речи. Новизна заключается в том, что при проведении эксперимента мы использовали все шесть типов фонации (в том числе, *напряженный голос* и *придыхательный голос*, которые не использовались в работе К. Акиты), задействовали два языка: русский и японский, а также оценили влияние гендерной принадлежности на интерпретацию значения высказывания.

2.2. Тип фонации и коннотативное значение звукоизобразительных единиц японского и русского языков

В Таблице 1 представлены результаты исследования интерпретации высказываний, произнесенных нейтральным голосом. Из таблицы следует, что интерпретации респондентами голосов четырех дикторов имеют общие черты в следующих трех признаках: «легкий», «напряженный» и «пассивный». И несмотря на то, что наблюдается общий вектор корреляции интерпретаций реципиентов (за исключением русского женского голоса), они не полностью идентичны. Прилагательные, расположенные слева в таблице, обозначены плюсом (+), а прилагательные справа – минусом (-).

Таблица 1. Нейтральный голос

Оппозиция	Женщина, русский язык	Мужчина, русский язык	Женщина, японский язык	Мужчина, японский язык
好・嫌 любимый/ ненавистный	0.41	-0.30	0.00	-0.40
明・暗 светлый/темный	0.59	-1.22	0.11	-0.80
綺・汚 чистый/грязный	0.82	-0.09	-0.06	-0.60
美味・不味 вкусный/невкусный	0.18	-0.22	-0.23	-0.30
芳・臭 ароматный/зловонный	0.12	-0.48	-0.14	-0.30
熱・冷 горячий/холодный	-0.35	1.00	-0.29	-0.10
大・小 большой/маленький	0.06	1.52	-0.17	-0.10
遠・近 далекий/близкий	0.24	-0.83	-0.40	-0.40
硬・柔 твердый/мягкий	-0.35	1.26	-0.20	0.50

Оппозиция	Женщина, русский язык	Мужчина, русский язык	Женщина, японский язык	Мужчина, японский язык
重・軽 тяжелый/легкий	0.00	1.17	0.17	0.90
強・弱 сильный/слабый	0.41	1.52	-0.14	-0.40
安・危 неопасный/опасный	0.06	-0.70	0.29	-0.30
古・新 старый/новый	-0.41	0.52	0.20	0.40
健・病 здоровый/больной	1.00	0.26	0.23	-0.10
優・巖 добрый/злой	0.59	-0.70	0.43	-0.20
リ・緊 расслабленный/ напряженный	-0.71	-1.70	-0.43	-0.40
喜・悲 радостный/грустный	0.00	-0.35	-0.23	-0.30
驚・警 восхищенный/ настороженный	0.06	-0.17	-0.40	-0.50
信・嫌 доверчивый/ враждебный	0.29	-0.48	-0.06	-0.50
恐・怒 обороняющийся/ агрессивный	-0.53	1.00	0.14	-0.50
ア・パ активный/пассивный	-0.24	-0.04	-0.11	-0.40
ホ・ネ позитивный/ негативный	0.53	-0.83	-0.40	-0.90

В ходе дальнейшего анализа мы выявили корреляции между гендерной принадлежностью говорящего и интерпретацией значения реципиентом. Результаты, представленные в Таблице 2, демонстрируют, что реципиенты интерпретируют значение услышанного ближе к положительному

дифференциалу шкалы (признаки «светлый», «мягкий», «неопасный» и др.) – если предложение озвучено женским голосом, в то время как мужские голоса ассоциируются с признаками «темный», «жесткий», «опасный» и др.

Таблица 2. Интерпретация нейтрального голоса

Оппозиция	Женщина, русский язык	Женщина, японский язык	Среднее значение	Мужчина, русский язык	Мужчина, японский язык	Среднее значение
好・嫌 любимый/ ненавистный	0.41	0.00	0.21	-0.30	-0.40	-0.35
明・暗 светлый/ темный	0.59	0.11	0.35	-1.22	-0.80	-1.01
硬・柔 твердый/мяг кий	-0.35	-0.20	-0.28	1.26	0.50	0.88
安・危 неопасный/ опасный	0.06	0.29	0.18	-0.70	-0.30	-0.50
優・巖 добрый/ злой	0.59	0.43	0.51	-0.70	-0.20	-0.45

На следующем этапе были определены общие черты у корреляций между интерпретацией высказывания и типом фонации и языковой принадлежностью. Для выявления общих черт был использован тот же метод, что и для выявления у корреляций между типом фонации и гендерной принадлежностью. Результаты показывают, что корреляции наблюдаются лишь в оппозициях «большой/маленький» и «сильный/слабый». Голоса русской женщины и русского мужчины интерпретируются при помощи признаков «большой (громкий)» и «сильный», а голоса японской женщины и японского мужчины – «маленький (тихий)» и «слабый». Как показывают результаты, корреляции наблюдаются преимущественно между интерпретацией значения и гендерной принадлежностью, в то время как

корреляции между интерпретацией значения и языковой принадлежностью являются периферийными.

Таблица 3. Корреляции между коннотативным значением и гендерной принадлежностью при нейтральном голосе

Оппозиция	Женщина, русский язык	Мужчина, русский язык	Женщина, японский язык	Мужчина, японский язык
大・小 большой/ маленький	0.06	1.52	-0.17	-0.10
強・弱 сильный/слабый	0.41	1.52	-0.14	-0.40

В Таблице 4 приводится сравнение голосов русских и японских мужчин и женщин и выявляются их контрастные характеристики. Так, значение высказывания, произнесенного голосом женщины на русском языке, интерпретируются респондентами при помощи следующих признаков: «красивый», «позитивный», «новый», «вкусный», «ароматный», «восхищенный». У высказываний, произнесенных другими голосами, в интерпретации респондентов наблюдается смещение в сторону отрицательного дифференциала: «плохой», «грустный», «грязный», «старый», «зловонный», «настороженный», «негативный», «невкусный».

Таблица 4. Контрастные характеристики голосов русских и японских мужчин и женщин

Оппозиция	Женщина, русский язык	Мужчина, русский язык	Женщина, японский язык	Мужчина, японский язык
綺・汚 чистый/грязный	0.82	-0.09	-0.06	-0.60
美味・不味 вкусный /невкусный	0.18	-0.22	-0.23	-0.30
芳・臭 ароматный/	0.12	-0.48	-0.14	-0.30

Оппозиция	Женщина, русский язык	Мужчина, русский язык	Женщина, японский язык	Мужчина, японский язык
зловонный				
遠・近 далекий/близкий	0.24	-0.83	-0.40	-0.40
古・新 старый/новый	-0.41	0.52	0.20	0.40
喜・悲 радостный/ грустный	0.00	-0.35	-0.23	-0.30
驚・警 восхищенный/ настороженный	0.06	-0.17	-0.40	-0.50
信・嫌 доверчивый/ враждебный	0.29	-0.48	-0.06	-0.50
ポ・ネ позитивный/ негативный	0.53	-0.83	-0.40	-0.90

2.2.1. Фальцет

В данном подпараграфе представлены результаты семантических корреляций для типа фонации «фальцет». При произнесении высказывания типом фонации «фальцет» наблюдается общая схожесть в интерпретации 13 из 21 оппозиций. Выявлены следующие признаки: «светлый», «легкий», «новый», «слабый», «неопасный», «мягкий», «чистый», «напряженный», «позитивный», «холодный», «ароматный» и «активный». Это позволяет предположить, что различия в интерпретациях, обусловленные собственным голосом, могут воздействовать на интерпретацию людей в сторону определенных характеристик посредством использования определенных типов фонаций.

Таблица 5. Фальцет

Оппозиция	Женщина, русский язык	Мужчина, русский язык	Женщина, японский язык	Мужчина, японский язык
好・嫌 любимый/ ненавистный	0.13	0.32	0.49	-0.22
明・暗 светлый/темный	2.06	1.73	1.29	1.44
綺・汚 чистый/грязный	0.06	0.45	0.94	0.56
美味・不味 вкусный/невкусный	-0.06	0.00	0.37	0.22
芳・臭 ароматный/зловонный	0.06	0.09	0.23	0.44
熱・冷 горячий/холодный	-0.31	-0.36	-0.54	-0.33
大・小 большой/маленький	-1.31	-0.91	-0.51	0.22
遠・近 далекий/близкий	0.31	0.09	0.00	-0.56
硬・柔 твердый/мягкий	-0.44	-0.73	-0.37	-0.56
重・軽 тяжелый/легкий	-1.56	-1.50	-1.26	-1.22
強・弱 сильный/слабый	-0.75	-0.73	-0.71	-0.22
安・危 неопасный/опасный	0.50	1.05	0.40	0.22
古・新 старый/новый	-0.44	-1.18	-0.34	-0.56
健・病 здоровый/больной	0.13	0.14	0.31	-0.11
優・蔽 добрый/злой	0.94	0.95	1.06	-0.11
リ・緊 расслабленный/ напряженный	-1.00	-0.45	-0.23	-0.22

Оппозиция	Женщина, русский язык	Мужчина, русский язык	Женщина, японский язык	Мужчина, японский язык
喜・悲 радостный/грустный	0.56	-0.05	0.74	0.11
驚・警 восхищенный/ настороженный	0.13	0.09	-0.14	0.11
信・嫌 доверчивый/ враждебный	0.31	0.95	0.46	0.33
恐・怒 обороняющийся/ агрессивный	-1.19	-1.00	-0.37	0.00
ア・パ активный/пассивный	0.44	0.00	0.09	0.22
ホ・ネ позитивный/ негативный	0.00	0.68	0.54	0.67

На следующем этапе были определены общие черты путем сложения результатов интерпретации, полученных для каждой аудиозаписи у каждой оппозиции, и деления на общее дикторов (4).

Пример расчета для оппозиции «тяжелый/легкий»:

$-1,56$ (женщина, русский язык) + $-1,50$ (мужчина, русский язык) + $-1,26$ (женщина, японский язык) + $-1,22$ (мужчина, японский язык) / 4 = $-1,39$ (среднее значение).

Отсортировав их по абсолютным значениям, мы выяснили, как изменяется коннотация значения. Результаты представлены в Таблице 6.

Таблица 6. Интерпретация фальцета

Оппозиция	Среднее значение
明・暗 светлый/темный	1.63
重・軽 тяжелый/легкий	-1.39

Оппозиция	Среднее значение
古・新 старый/новый	-0.63
強・弱 сильный/слабый	-0.60
安・危 неопасный/опасный	0.54
硬/柔 твердый/мягкий	-0.53
信・嫌 доверчивый/враждебный	0.51
綺・汚 чистый/грязный	0.50
リ・緊 расслабленный/напряженный	-0.48
ポ・ネ позитивный/негативный	0.47
熱・冷 горячий/холодный	-0.39
芳・臭 ароматный/зловонный	0.21
ア・パ активный/пассивный	0.19

Как представлено в Таблице 6, наблюдается смещение интерпретации значения к положительному дифференциалу в оппозициях «светлый/темный» и «легкий/тяжелый» при произнесении выражения типом фонации «фальцет». Фальцет также ассоциируется с признаками «новый» и «слабый», хотя и в незначительной степени. Сходств на уровне полных фраз или языковых конструкций не обнаружено.

2.2.2. Шепот

В Таблице 7 представлены результаты анализа для типа фонации «шепот».

Таблица 7. Шепот

Оппозиция	Женщина, русский язык	Мужчина, русский язык	Женщина, японский язык	Мужчина, японский язык
好・嫌 любимый/ ненавистный	-1.50	-0.81	-0.50	-0.89
明・暗 светлый/темный	-1.63	-1.52	-1.94	-2.00
綺・汚 чистый/грязный	-0.81	-0.57	-0.44	-1.11
美味・不味 вкусный/невкусный	-1.06	-0.52	-0.71	-1.00
芳・臭 ароматный/зловонный	-0.44	0.10	-0.29	-1.11
熱・冷 горячий/холодный	-0.81	-0.38	-1.03	-0.56
大・小 большой/маленький	0.38	-0.05	-1.79	-0.22
遠・近 далекий/близкий	-0.06	-0.67	0.21	-1.00
硬・柔 твердый/мягкий	0.06	-0.38	0.32	0.56
重・軽 тяжелый/легкий	0.38	0.24	-0.47	0.56
強・弱 сильный/слабый	-0.63	-0.86	-1.65	-0.33
安・危 неопасный/опасный	-1.31	-0.90	-0.74	-1.22
古・新 старый/новый	0.81	0.52	0.26	0.78
健・病 здоровый/больной	-0.75	-0.90	-1.35	-0.89
優・蔽 добрый/злой	-0.94	-0.29	0.32	-0.11
リ・緊 расслабленный/ напряженный	-1.44	-0.38	-1.00	-0.22

Оппозиция	Женщина, русский язык	Мужчина, русский язык	Женщина, японский язык	Мужчина, японский язык
喜・悲 радостный/грустный	-0.19	-0.48	-1.00	-0.89
驚・警 восхищенный/ настороженный	-0.31	-0.48	-1.09	-0.67
信・嫌 доверчивый/ враждебный	-1.44	-0.62	-0.68	-0.56
恐・怒 обороняющийся/агрес сивный	1.13	0.67	-1.03	-0.44
ア・パ активный/пассивный	-0.75	-0.62	-0.79	-0.56
ホ・ネ позитивный/ негативный	-1.38	-0.81	-1.15	-1.33

Как продемонстрировано в Таблице 8, наблюдается 14 случаев смещения значения в сторону отрицательного дифференциала у следующих оппозиций: «светлый/темный», «позитивный/негативный», «неопасный/опасный», «здоровый/больной», «любимый/ненавистный», «сильный/слабый», «хороший/плохой/», «чистый/грязный» и др.

Таблица 8. Интерпретация шепота

Оппозиция	Среднее значение
明・暗 светлый/темный	-1.77
ホ・ネ позитивный/негативный	-1.17
安・危 неопасный/опасный	-1.04
健・病 здоровый/больной	-0.97
好・嫌	-0.93

Оппозиция	Среднее значение
любимый/ненавистный	
強・弱 сильный/слабый	-0.87
信・嫌 доверчивый/враждебный	-0.83
美味・不味 вкусный/невкусный	-0.82
リ・緊 расслабленный/напряженный	-0.76
綺・汚 чистый/грязный	-0.73
熱・冷 горячий/холодный	-0.70
ア・パ активный/пассивный	-0.68
喜・悲 радостный/грустный	-0.64
驚・警 восхищенный/настороженный	-0.64
古・新 старый/новый	0.59

Корреляции с гендерной принадлежностью не обнаружены, наблюдаются лишь корреляции с языковой принадлежностью у оппозиции «агрессивный/обороняющийся»: в русском языке значение в интерпретации респондентов сместилось в сторону отрицательного дифференциала («агрессивный»), в японском – положительного («обороняющийся») (см. Таб. 9).

Таблица 9. Корреляции между коннотативным значением и языковой принадлежностью при шепоте

Оппозиция	Женщина, русский язык	Женщина, японский язык	Среднее значение	Мужчина, русский язык	Мужчина, японский язык	Среднее значение
怒・恐 агрессивный/ обороняющи йся	1.13	0.67	0.90	-1.03	-0.44	-0.74

2.2.3. Скрипучий голос

Больше всего общих черт было выявлено с типом фонации «скрипучий голос». В ходе анализа были выделены следующие 20 признаков: «тяжелый», «грязный», «темный», «ненавистный», «плохой», «опасный», «больной», «негативный», «тяжелый», «старый», «сильный», «большой», «грустный», «близкий» и др. Результаты представлены в Таблице 10.

Таблица 10. Скрипучий голос

Оппозиция	Женщина, русский язык	Мужчина, русский язык	Женщина, японский язык	Мужчина, японский язык
好・嫌 любимый/ ненавистный	-1.50	-2.05	-1.39	-1.25
明・暗 светлый/темный	-0.81	-2.26	-1.97	-1.88
綺・汚 чистый/грязный	-1.69	-2.16	-1.65	-1.63
美味・不味 вкусный/невкусный	-1.13	-2.32	-1.42	-1.00
芳・臭 ароматный/зловонный	-0.75	-1.16	-0.97	-0.63
熱・冷 горячий/холодный	-0.25	-0.11	0.00	0.13
大・小	0.94	1.79	0.32	0.00

Оппозиция	Женщина, русский язык	Мужчина, русский язык	Женщина, японский язык	Мужчина, японский язык
большой/маленький				
遠・近 далекий/близкий	-0.38	-1.00	-0.48	-0.25
硬・柔 твердый/мягкий	1.06	1.53	0.87	1.00
重・軽 тяжелый/легкий	1.56	1.79	1.52	2.00
強・弱 сильный/слабый	0.69	1.53	0.16	0.75
安・危 неопасный/опасный	-0.88	-1.74	-1.26	-1.25
古・新 старый/новый	1.50	0.95	0.77	0.75
健・病 здоровый/больной	-1.38	-1.00	-1.35	-1.25
優・醜 добрый/злой	-0.56	-1.26	-0.90	-1.00
リ・緊 расслабленный/ напряженный	-1.31	-2.11	-0.74	-0.88
喜・悲 радостный/грустный	-0.19	-0.53	-1.00	-0.75
驚・警 восхищенный/ настороженный	-0.19	-0.63	-1.03	-1.13
信・嫌 доверчивый/ враждебный	-0.56	-1.95	-1.13	-1.38
恐・怒 обороняющийся/ агрессивный	0.50	1.79	0.23	0.63
ア・パ активный/пассивный	0.31	0.58	-0.16	0.13
ポ・ネ позитивный/ негативный	-0.88	-1.53	-1.16	-1.25

Таблица 11 демонстрирует, что при произнесении высказывания этим типом фонации интерпретация смещается к отрицательному дифференциалу. Выделены следующие признаки: «грязный», «темный», «тяжелый», «ненавистный», «плохой», «опасный».

Таблица 11. Интерпретация скрипучего голоса

Оппозиция	Среднее значение
綺・汚 чистый/грязный	-1.78
明・暗 светлый/темный	-1.73
重・軽 тяжелый/легкий	1.72
好・嫌 любимый/ненавистный	-1.55
美味・不味 вкусный/невкусный	-1.47
安・危 неопасный/опасный	-1.28
リ・緊 расслабленный/напряженный	-1.26
信・嫌 доверчивый/враждебный	-1.26
健・病 здоровый/больной	-1.25
ホ・ネ позитивный/негативный	-1.21
硬・柔 твердый/мягкий	1.12
古・新 старый/новый	0.99
優・敵 добрый/злой	-0.93
芳・臭 ароматный/зловонный	-0.88
怒・恐	0.79

Оппозиция	Среднее значение
агрессивный/обороняющийся	
強・弱 сильный/слабый	0.78
大・小 большой/маленький	0.76
驚・警 восхищенный/настороженный	-0.75
喜・悲 радостный/грустный	-0.62
遠・近 далекий/близкий	-0.53

Не наблюдается корреляций с гендерной принадлежностью диктора, однако выявлены отличия в интерпретации в зависимости от языковой принадлежности у оппозиции «горячий/холодный»: в русском языке значение в интерпретации респондентов сместилось в сторону отрицательного дифференциала («холодный»), в японском – положительного («теплый»).

Таблица 12. Корреляции между коннотативным значением и языковой принадлежностью при скрипучем голосе

Оппозиция	Женщина, русский язык	Женщина, японский язык	Среднее значение	Мужчина, русский язык	Мужчина, японский язык	Среднее значение
熱・冷 горячий/ холодный	-0.25	-0.11	-0.18	0.00	0.13	0.07

2.2.4. Напряженный голос

Проанализировав ответы респондентов, мы установили, что в случае напряженного голоса значение в интерпретации смещалось в сторону отрицательного дифференциала у 13 оппозиций: «чистый/грязный»,

«добрый/злой», «ароматный/зловонный», «большой/маленький» и т.д.
 Результаты представлены в Таблице 13.

Таблица 13. Напряженный голос

Оппозиция	Женщина, русский язык	Мужчина, русский язык	Женщина, японский язык	Мужчина, японский язык
好・嫌 любимый/ ненавистный	-0.07	-1.50	-1.79	-0.75
明・暗 светлый/темный	0.36	-2.56	-2.24	-0.13
綺・汚 чистый/грязный	-0.21	-2.17	-2.31	-1.38
美味・不味 вкусный/невкусный	-0.21	-2.17	-1.79	-0.38
芳・臭 ароматный/зловонный	-0.14	-1.56	-1.48	-0.38
熱・冷 горячий/холодный	0.21	-0.44	-0.24	-0.38
大・小 большой/маленький	0.43	1.94	0.21	0.25
遠・近 близкий/далекий	0.07	-1.11	-0.72	-0.63
硬・柔 мягкий/твердый	0.07	1.78	0.97	1.13
重・軽 тяжелый/легкий	-0.21	2.00	1.48	0.75
強・弱 сильный/слабый	0.93	1.33	0.03	-0.13
安・危 неопасный/опасный	0.36	-2.22	-1.72	-0.88
古・新 новый/старый	-0.36	1.11	1.07	0.50
健・病 здоровый/больной	0.43	-1.56	-2.00	-1.00
優・巖 добрый/злой	0.50	-1.94	-0.79	-0.38

Оппозиция	Женщина, русский язык	Мужчина, русский язык	Женщина, японский язык	Мужчина, японский язык
リ・緊 расслабленный/ напряженный	-0.21	-1.83	-1.00	-0.38
喜・悲 радостный/грустный	0.43	-0.56	-1.17	-0.63
驚・警 восхищенный/ настороженный	0.64	-0.61	-1.66	-0.75
信・嫌 доверчивый/ враждебный	0.57	-1.94	-1.45	-0.75
恐・怒 обороняющийся/агрес сивный	-0.14	1.94	0.10	0.25
ア・パ активный/пассивный	0.21	0.56	-0.55	0.00
ポ・ネ позитивный/ негативный	0.36	-2.22	-1.76	-0.63

Таблица 14 демонстрирует, что наибольшее смещение к отрицательному дифференциалу зафиксировано у оппозиции «чистый/грязный», что позволяет установить корреляцию между типом фонации «напряженный голос» и качественным признаком «грязный».

Таблица 14. Интерпретация напряженного голоса

Оппозиция	Среднее значение
綺・汚 чистый/грязный	-1.52
美味・不味 вкусный/невкусный	-1.14
好・嫌 любимый/ненавистный	-1.03
硬・柔	0.99

Оппозиция	Среднее значение
твердый/мягкий	
芳・臭 ароматный/зловонный	-0.89
リ・緊 расслабленный/напряженный	-0.86
大・小 большой/маленький	0.71

Анализ показал, что в случае данного типа фонации интерпретация русской женщины, которая при других типах давала такие же интерпретации, как и другие, резко контрастирует и отличается от интерпретаций высказываний, производимых другими голосами (см. Таб. 15). Значение высказывания, произнесенного женщиной на русском языке с использованием метода вокализации «оживленный», интерпретируется при помощи признаков «новый», «легкий», «обороняющийся», в то время как высказывания, произнесенные другими типами фонации, оцениваются при помощи признаков «старый», «тяжелый», «сердитый».

Таблица 15. Интерпретация напряженного голоса – 2

Оппозиция	Женщина, русский язык	Мужчина, русский язык	Женщина, японский язык	Мужчина, японский язык
古・新 старый/новый	-0.36	1.11	1.07	0.50
重・軽 тяжелый/ легкий	-0.21	2.00	1.48	0.75
怒・恐 агрессивный/ обороняющийся	-0.14	1.94	0.10	0.25
遠・近 далекий/близкий	0.07	-1.11	-0.72	-0.63
熱・冷 горячий/ холодный	0.21	-0.44	-0.24	-0.38

Оппозиция	Женщина, русский язык	Мужчина, русский язык	Женщина, японский язык	Мужчина, японский язык
明・暗 светлый/темный	0.36	-2.56	-2.24	-0.13
安・危 неопасный/ опасный	0.36	-2.22	-1.72	-0.88
ホ・ネ позитивный/ негативный	0.36	-2.22	-1.76	-0.63
健・病 здоровый/ больной	0.43	-1.56	-2.00	-1.00
喜・悲 радостный/ грустный	0.43	-0.56	-1.17	-0.63
優・敵 добрый/злой	0.50	-1.94	-0.79	-0.38
信・嫌 доверчивый/ враждебный	0.57	-1.94	-1.45	-0.75
驚・警 восхищенный/ настороженный	0.64	-0.61	-1.66	-0.75

Корреляций между гендерной или языковой принадлежностью и интерпретацией значения не обнаружено.

2.2.5. Придыхательный голос

В данном параграфе изложены результаты анализа интерпретаций высказываний, произнесенных типом фонации «придыхательный голос». Количественные данные представлены в Таблице 16.

Таблица 16. Придыхательный голос

Оппозиция	Женщина, русский язык	Мужчина, русский язык	Женщина, японский язык	Мужчина, японский язык
好・嫌 любимый/ ненавистный	0.57	-0.28	-0.26	-0.13
明・暗 светлый/темный	0.43	0.89	-0.81	-0.63
綺・汚 чистый/грязный	0.43	0.17	-0.15	-0.50
美味・不味 вкусный/невкусный	-0.07	-0.11	-0.37	-0.50
芳・臭 ароматный/зловонный	0.36	-0.22	0.11	0.38
熱・冷 горячий/холодный	-0.50	-0.17	-0.37	0.50
大・小 большой/маленький	-0.71	-0.61	-0.63	0.13
遠・近 далекий/близкий	0.00	0.28	0.19	-0.50
硬・柔 твердый/мягкий	-1.07	-0.11	0.04	0.13
重・軽 тяжелый/легкий	-1.00	-0.33	0.15	0.75
強・弱 сильный/слабый	-1.00	-0.78	-0.74	0.13
安・危 неопасный/опасный	0.86	0.61	-0.15	-0.25
古・新 старый/новый	-0.29	-0.22	0.26	0.38
健・病 здоровый/больной	-0.14	-0.61	-0.37	-0.13
優・蔽 добрый/злой	0.71	0.50	0.26	0.13
リ・緊 расслабленный/ напряженный	0.93	-0.33	-0.48	-0.25

Оппозиция	Женщина, русский язык	Мужчина, русский язык	Женщина, японский язык	Мужчина, японский язык
喜・悲 радостный/грустный	-0.07	-0.28	-0.48	0.00
驚・警 восхищенный/ настороженный	-0.07	0.00	-0.44	-0.25
信・嫌 доверчивый/ враждебный	0.57	0.61	-0.22	-0.13
恐・怒 обороняющийся/агрес сивный	-0.57	-0.78	-0.56	-0.38
ア・パ активный/пассивный	-1.21	-1.11	-0.22	0.25
ポ・ネ позитивный/ негативный	0.36	-0.11	-0.63	-0.25

Ниже, в Таблице 17, продемонстрировано, как значение в интерпретации респондентов смещалось в сторону отрицательного дифференциала у 4 оппозиций: «обороняющийся/агрессивный», «здоровый/больной», «вкусный/невкусный» и «добрый/злой».

Таблица 17. Интерпретация придыхательного голоса

Оппозиция	Женщина, русский язык	Мужчина, русский язык	Женщина, японский язык	Мужчина, японский язык	Общее значение
怒・恐 агрессивный/ обороняющи йся	-0.57	-0.78	-0.56	-0.38	-0.57
健・病 здоровый/бол ьной	-0.14	-0.61	-0.37	-0.13	-0.31
美味・不味 вкусный/невк усный	-0.07	-0.11	-0.37	-0.50	-0.26

Оппозиция	Женщина, русский язык	Мужчина, русский язык	Женщина, японский язык	Мужчина, японский язык	Общее значение
優・厳 добрый/злой	0.71	0.50	0.26	0.13	0.40

Корреляции с гендерной принадлежностью не обнаружено. Однако нами зафиксирована смещение в сторону положительного дифференциала в русском языке в оппозициях «светлый/темный», «чистый/грязный», «мягкий/твердый», «легкий/тяжелый», «неопасный/опасный», «новый/старый», «доверчивый/враждебный» и смещение в сторону отрицательного дифференциала в оппозициях «светлый/темный», «чистый/грязный», «мягкий/твердый», «неопасный/опасный», «новый/старый» и «любимый/ненавистный». Результаты продемонстрированы в Таблице 18.

Таблица 18. Корреляции между коннотативным значением и языковой принадлежностью при придыхательном голосе

Оппозиция	Женщина, русский язык	Мужчина, русский язык	Среднее значение	Женщина, японский язык	Мужчина, японский язык	Среднее значение
明・暗 светлый/темный	0.43	0.89	0.66	-0.81	-0.63	-0.72
綺・汚 чистый/грязный	0.43	0.17	0.30	-0.15	-0.50	-0.33
硬・柔 твердый/мягкий	-1.07	-0.11	-0.59	0.04	0.13	0.09
重・軽 тяжелый/легкий	-1.00	-0.33	-0.67	0.15	0.75	0.45
安・危 неопасный/опасный	0.86	0.61	0.74	-0.15	-0.25	-0.20

Оппозиция	Женщина, русский язык	Мужчина, русский язык	Среднее значение	Женщина, японский язык	Мужчина, японский язык	Среднее значение
古・新 старый/новый	-0.29	-0.22	-0.26	0.26	0.38	0.32
信・嫌 доверчивый/ враждебный	0.57	0.61	0.59	-0.22	-0.13	-0.18

В завершении данного этапа исследования мы сформулировали общие черты для всех аудиозаписей в отношении всех типов фонации и их интерпретации. Количество общих черт указано в скобках около каждого типа фонации. Количество общих черт уменьшается в следующем порядке: скрипучий голос (20), шепот (14), фальцет (13), напряженный голос (7) и придыхательный голос (4). Результаты продемонстрированы в Таблице 19.

Таблица 19. Общие закономерности

Оппозиция	Нейтральный голос (3)	Фальцет (13)	Шепот (14)	クリーキー (20)	ハッシュ (7)	ブリージー (4)
好・嫌 любимый/ ненавистный			-0.93	-1.56	-1.03	
明・暗 светлый/темный		1.63	-1.77	-1.73		
綺・汚 чистый/грязный		0.50	-0.73	-1.78	-1.52	
美味・不味 вкусный/невкусный			-0.82	-1.47	-1.14	-0.26
芳・臭 ароматный/зловонный		0.21		-0.88	-0.89	
熱・冷 горячий/холодный		-0.39	-0.70			
大・小				0.76	0.71	

Оппозиция	Нейтральный голос (3)	Фальцет (13)	Шепот (14)	Крикер (20)	Хэши (7)	Бриджер (4)
большой/маленький						
遠・近 далекий/близкий				-0.53		
硬・柔 твердый/мягкий		-0.53		1.12	0.99	
重・軽 тяжелый/легкий	0.56	-1.39		1.72		
強・弱 сильный/слабый		-0.60	-0.87	0.78		
安・危 неопасный/опасный		0.54	-1.04	-1.28		
古・新 старый/новый		-0.63	0.59	0.99		
健・病 здоровый/больной			-0.97	-1.25		-0.31
優・巖 добрый/злой				-0.93		0.4
リ・緊 расслабленный/ напряженный	-0.81	-0.48	-0.76	-1.26	-0.86	
喜・悲 радостный/грустный			-0.64	-0.62		
驚・警 восхищенный/ настороженный			-0.64	-0.75		
信・嫌 доверчивый/ враждебный		0.51	-0.83	-1.26		
恐・怒 обороняющийся/агрес сивный				0.79		-0.56
ア・パ активный/пассивный	-0.20	0.47	-0.68			
ポ・ネ позитивный/ негативный		0.19	-1.17	-1.21		

Таким образом, выяснилось, что скрипучий голос, шепот и фальцет – это типы фонации, которые оказывают значительное влияние на интерпретацию значения высказывания респондента, независимо от интерпретации естественного голоса, в то время как напряженный голос и придыхательный голос оказывают значительно меньшее влияние. Также было выявлено, что существуют типы фонации, которые в разной степени приводят к одинаковой интерпретации высказывания. Например, шепот, скрипучий голос и напряженный голос ассоциируются с неприятными звуками; шепот, скрипучий голос, напряженный голос и придыхательный голос ассоциируются с неприятным вкусом, а фальцет и шепот – с холодом.

Кроме этого, установлено смещение к негативной коннотации у 10 оппозиций у типов фонации *скрипучий голос* и *шепот* («любимый/ненавистный», «светлый/темный», «чистый/грязный», «вкусный/невкусный», «неопасный/опасный», «новый/старый», «здоровый/больной», «расслабленный/напряженный», «радостный/грустный», «восхищенный/настороженный», «любимый/ненавистный») и у 7 оппозиций у типов фонации *скрипучий голос* и *напряженный голос* («любимый/ненавистный», «чистый/грязный», «вкусный/невкусный», «ароматный/зловонный», «большой/маленький», «мягкий/твердый», «расслабленный/напряженный»).

С другой стороны, в интерпретации респондентов типы фонации *скрипучий голос* и *фальцет* обладают контрастными свойствами. Высказывания, произнесенные типом фонации *фальцет*, оцениваются при помощи признака «светлый» и «чистый», *скрипучий голос* – «темный» и «грязный». Данные типы фонации контрастируют еще по восьми другим признакам, доказывая, что именно они вызывают контрастные интерпретации.

2.3. Тип фонации и коннотативное значение звукоизобразительных единиц японского и русского языков на синтаксическом уровне

Эксперимент 1, описанный в параграфе 2.1, является первым этапом исследования и предваряет эксперимент 2, который, в свою очередь, направлен на выяснение связи между звуками речи, не содержащими фоновой информации, и интерпретациями, получаемыми от них. Цель эксперимента – исследовать взаимосвязь между типом фонации и интерпретацией слов с учетом контекста. Сравнение с данными эксперимента 1 позволит выявить, зависит ли интерпретация от артикуляционной техники, от самого слова или от их комбинации.

Во втором эксперименте респондентам предлагалось прослушать семь коротких предложений с звукоизобразительной лексикой, произносимой в шести различных фонационных техниках. Техника фонации соответствовала той, что применялась в первом эксперименте. Выбор звукоизобразительной лексики основывался на предыдущих исследованиях, указывающих на ее легкость восприятия и визуализации [Akita, 2021; Dingemanse et al., 2016]. Лексика была систематизирована согласно японской таксономии и русской звукоизобразительной лексике, организованной по категориям: биологические, неживые организмы, звукоподражательные (животные и звуки), звукосимволические (движение и состояние). Частота употребления лексем проверялась в Национальном корпусе русского языка, откуда были выбраны наиболее распространенные слова. Для японского языка подбирались эквиваленты по значению. Использование предложений вместо отдельных слов облегчало визуализацию и избегало непреднамеренного манипулирования. В качестве экспериментального материала были выбраны предложения, включающие слово «дорога», чтобы упростить представление о твердости объекта.

Все таблицы основаны на средних значениях интерпретаций. Средние значения рассчитываются как сумма баллов интерпретаций, разделенная на

количество баллов. Например, если три балла интерпретаций имеют общее значение, оно записывается как сумма трех баллов, разделенная на 3.

Обозначения в таблицах

- [] – средние значения интерпретаций с 3/4 общими элементами;
- < > – средние значения, отражающие различия между языками;
- () – средние значения, отражающие различия между полами;
- «х» – отсутствие данных (например, интерпретация «черный/белый» со значением 0);
- «→» – данные, не связанные с гендерными и языковыми различиями (например, соответствие между русскими женщинами и японскими мужчинами).

Сокращения:

- Р – русский;
- Я – японский;
- Ж – женщина;
- М – мужчина.

Специальные категории:

- **общие элементы** – интерпретации, общие для всех аудиозаписей, выделены толстой рамкой.
- **общие прилагательные** – прилагательные, общие для двух или более интерпретаций.

2.3.1. Фальцет

Таблица 20. Фальцет

Оппозиция	собак а	лошад ь	смеяться я	идти	МОЛОТО к	МЯЧ	ЖИДКОС ть
好・嫌 любимый/ненавистн ый	0.93	0.87	-0.38	[0.69] Р・М	[0.79] Я・М	[0.69] Я・М	[1.37] Я・М

Оппозиция	собака	лошадь	смеяться	идти	молоток	мяч	жидкость
白・黒 белый/черный 透・濃 блеклый/насыщенный (о цвете)	1.28	1.23	×	×	[1.05] Я・Ж	1.05	[1.32] Я・М
美・醜 красивый/уродливый 綺・汚 чистый/грязный	0.85	[1.03] Я・М	-0.65	[0.43] Я・М	[1.73] Я・М	[1.43] Я・М	[1.91] Я・М
芳・臭 ароматный/зловонный	[0.62] Я・М	(0.25) М	(-0.24) М (0.41) Ж	0.24	<0.53> Р	[0.42] Я・М	[0.71] Я・М
温・冷 теплый/холодный 熱・冷 горячий/холодный	0.38	0.41	[-0.43] Я・Ж	[0.39] Р・М	-0.51	-	-0.87
大・小 большой/маленький 美味・不味 вкусный/невкусный (жидкость)	-1.43	[-1.16] Я・Ж	-0.95	-1.44	-1.55	-1.37	[1.03] Я・М
遠・近 далекий/близкий	-	[0.64] Я・М	<0.83> Р <-0.42> Я	<0.80> Р <-0.82> Я	<-0.49> Я	<0.96> Р	<0.40> Р <-0.70> Я
硬・柔 твердый/мягкий	-1.15	[-0.34] Я・Ж	[-0.94] Я・М	-0.74	-	-0.77	[-1.75] Я・Ж
重・軽 тяжелый/легкий	-1.63	-0.94	-1.51	-1.66	-1.45	-1.63	-1.70
強・弱 сильный/слабый	-1.15	-0.95	-1.07	-1.32	-1.31	[-1.55] Я・М	-1.67
安・危 неопасный/опасный	1.40	[1.50] Я・Ж	[1.03] Я・М	1.62	1.01	1.30	1.24

Оппозиция	собака	лошадь	смеяться	идти	молоток	мяч	жидкость
年・若 старый/молодой 古・新 старый/новый	-1.21	-1.33	-0.88	-1.45	-1.03	-0.92	-1.08
健・病 здоровый/больной 質高・質低 качественный/некачественный	0.85	1.09	0.46	0.73	[0.70] Я・М	[0.63] Я・М	[0.98] Я・М
優・蔽 добрый/злой	[1.50] Я・М	1.27	[0.87] Я・М	1.19			
リ・緊 расслабленный/ напряженный	[0.85] Р・Ж	[0.67] Я・Ж	[0.59] Я・М	0.76			
喜・悲 радостный/грустный	0.84	1.18	0.59	0.87			
驚・警 восхищенный/ настороженный	[0.15] Р・Ж	×	<0.23> Р	<0.43> Р			
信・嫌 доверчивый/ враждебный	0.86	0.96	×	1.03			
恐・怒 обороняющийся/агрессивный	-0.71	[-0.64] Я・М	[-0.26] Я・Ж	[-0.94] Я・Ж			
ア・パ активный/пассивный	[0.78] Я・Ж	0.58	[-0.35] Я・М	[0.59] Я・М			
ホ・ネ позитивный/ негативный	0.83	1.09	[0.26] Р・М	1.05			

В ходе анализа было выявлено, что *фальцет* у респондентов чаще всего ассоциируется с позитивными качествами, такими как «любимый», особенно в контексте различных фонаций, за исключением случаев, связанных со словом «смеяться». В большинстве интерпретаций фальцет связан с такими характеристиками, как «белый», «маленький», «легкий», «слабый»,

«неопасный» и «новый/молодой». Живые организмы воспринимаются как «мягкие», «здоровые», «расслабленные», «радостные», «обороняющиеся» и «позитивные», что указывает на общее восприятие безопасности и позитива. Предметы, включая воду, обычно описываются как «чистые» и «качественные». Однако в контексте «смеяться» фальцет может преобразовать изначально положительные ассоциации в негативные.

Общие прилагательные в фальцете:

- Всего было выделено 25 общих прилагательных, 16 из которых имеют значение более 1, что свидетельствует о сильной связи между звуком и интерпретациями.

- Для живых и неживых организмов были обнаружены общие характеристики, связанные с прилагательными «легкий» и «молодой/новый».

- Живые организмы, включая людей, также ассоциируются с «радостным» и «здоровым», в то время как предметы часто описываются как «неопасные».

Противоречия между языками:

- В категории, включающей восемь предметов, были выявлены противоречия между русским (далекий) и японским (близкий) восприятием.

Категория с ограниченным количеством элементов:

- В эту категорию попали только два элемента, что ограничивает возможность обобщения.

2.3.2. Шепот

Данные результатов анализа представлены в Таблице 21.

Таблица 21. Шепот

Оппозиция	собака	лошадь	смеяться	идти	молоток	мяч	жидкость
好・嫌 любимый/ненавистный	(-0.17) М (0.34) Ж	[0.55] Р・М	-0.30	[0.40] Р・М	(0.50) Ж	[0.37] Я・Ж	[0.22] Я・Ж
白・黒 белый/черный 透・濃 блеклый/насыщенный (о цвете)	[0.35] Р・Ж	<0.64> Я	×	×	<-0.21> Я	0.28	0.29
美・醜 красивый/уродливый 綺・汚 чистый/грязный	[0.44] Я・М	0,50	-0.42	0.35	[-0.21] Р・М	[-0.43] Я・М	0.21
芳・臭 ароматный/зловонный	[-0.15] Р・М	(0.25) М	-0.59	[0.15] Я・М	<0.24> Р <-0.21> Я	<0.39> Р	-
温・冷 теплый/холодный 熱・冷 горячий/холодный	-	<-0.19> Р <0.08> Я	-	0.31	(0.24) М	[-0.35] Р・Ж	-0.29
大・小 большой/маленький 美味・不味 вкусный/невкусный (жидкость)	[-0.89] Р・Ж	[-0.53] Р・М	-0.72	[-1.11] Р・Ж	[-0.96] Р・М	[-0.89] Р・Ж	-
遠・近 далекий/близкий	(0.19) М	<0.30> Р <-0.41> Я	[-0.86] Я・Ж	0.57	<0.41> Р	-	[0.30] Р・Ж
硬・柔 твердый/мягкий	-0.71	-0.51	[-0.78] Я・М	[-1.31] Я・М	-	-0.73	<-0.61> Я

Оппозиция	собака	лошадь	смеяться	идти	молоток	мяч	жидкость
重・軽 тяжелый/легкий	[-0.59] Р・Ж	-0.44	<-0.54> Я	-0.96	[-0.48] Р・М	[-0.67] Я・Ж	-0.42
強・弱 сильный/слабый	-1.05	[-0.55] Я・Ж	-1.28	-1.11	-0.75	[-0.82] Р・М	[-0.29] Р・М
安・危 неопасный/опасный	[0.43] Я・Ж	0.30	-	0.66	0.75	0.69	-
年・若 старый/молодой 古・新 старый/новый	[0.26] Я・Ж	<0.44> Р <-0.50> Я	0.48	-	(0.52) М	-	(-0.27) М (0.49) Ж
健・病 здоровый/больной 質高・質低 качественный/некачественный	<-0.45> Р <0.26> Я	[0.42] Р・М	-0.64	[0.32] Р・М	[0.42] Я・М	(-0.34) Ж	[0.20] Я・Ж
優・蔽 добрый/злой	[0.56] Я・М	[0.84] Р・М	(-0.13) М (0.31) Ж	[0.95] Р・М			
リ・緊 расслабленный/ напряженный	[-0.48] Р・Ж	<-0.12> Р <0.27> Я	<-0.73> Р <0.19> Я	(0.34) Ж			
喜・悲 радостный/грустный	[-0.58] Я・М	<-0.27> Р <0.32> Я	[-0.24] Р・Ж	<-0.32> Р <0.15> Я			
驚・警 восхищенный/ настороженный	-0.46	[-0.73] Я・Ж	-0.56	-0.40			
信・嫌 доверчивый/ враждебный	0.26	[0.30] Р・М	[-0.23] Я・Ж	0.27			
恐・怒 обороняющийся/агрессивный	-0.68	-0.60	-	[-0.68] Р・М			

Оппозиция	собака	лошад ь	смеять ся	идти	МОЛОТО к	МЯЧ	ЖИДКО СТЬ
ア・パ активный/пассивный	-1.04	<-0.77> Р	-0.60	-0.46			
ホ・ネ позитивный/ негативный	-	<-0.27> Р	[-0.45] Я・М	(-0.29) М (0.17) Ж			

Анализ показал, что тип фонации *шепот* в целом ассоциируется с положительными качествами, хотя и существуют различия между мужскими и женскими голосами. Шепот имеет меньше общих черт по сравнению с фальцетом, занимая четвертое место среди всех фонаций. Для живых организмов, включая людей, шепот ассоциируется с такими признаками как «маленький», «мягкий», «слабый» и «настороженный». Предметы, описываемые шепотом, часто воспринимаются как «грязные», «маленькие», «легкие», «слабые» и «неопасные». В контексте слова «смеяться», шепот может изменить лексическое восприятие на более положительное.

Общие прилагательные в шепоте:

Всего было выявлено 10 общих прилагательных, с единственным значением интерпретации превышающим 1 для «сильный/слабый» (-1,20) в контексте человека.

Остальные значения были ниже 0,80, что указывает на слабую связь между шепотом и интерпретациями.

Противоречия между языками:

В категории с 19 интерпретациями, японский язык ассоциируется с такими качествами как «белый», «зловонный», «близкий», «радостный» и «расслабленный».

Русский язык, напротив, связан с «ароматным», «далеким», «грустным» и «напряженным» восприятием.

Категория с ограниченным количеством элементов:

В эту категорию попали только десять элементов, что указывает на различия в восприятии мужских и женских голосов, с мужскими голосами, воспринимаемыми как «ненавистные», и женскими – как «любимые».

2.3.3. Скрипучий голос

Ниже представлены результаты анализа для типа фонации *скрипучий голос*.

Таблица 22. Скрипучий голос

Оппозиция	собак а	лошад ь	смеяться я	идти	МОЛОТ ОК	мяч	жидко сть
好・嫌 любимый/ненавистный	-0.95	-1.02	-0.95	-1.02	-0.83	-1.00	-1.22
白・黒 белый/черный 透・濃 блеклый/насыщенный (о цвете)	-1.14	-1.09	×	×	-0.83	-0.96	-1.10
美・醜 красивый/уродливый 綺・汚 чистый/грязный	-1.26	-1.32	-1.08	-1.05	-1.19	-0.09	-1.49
芳・臭 ароматный/зловонный	-0.91	[-0.92] Я・Ж	-0.71	-0.63	-0.72	-0.81	[-1.24] Я・Ж
温・冷 теплый/холодный 熱・冷 горячий/холодный	-0.43	-0.57	-0.74	-0.51	-	<-0.25> Р <0.19> Я	0.38
大・小 большой/маленький 美味・不味 вкусный/невкусный (жидкость)	0.73	0.76	[1.09] Я・Ж	[1.08] Я・Ж	0.71	0.58	[-1.39] Я・Ж

Оппозиция	собака	лошадь	смеяться	идти	молоток	мяч	жидкость
遠・近 далекий/близкий	(-0.37) М	-	[-0.38] Р・Ж	[-0.44] Р・Ж	[-0.50] Р・М	<0.20> Р <-0.24> Я	[-0.59] Р・М
硬・柔 твердый/мягкий	[0.82] Я・М	[0.60] Я・Ж	0.83	[0.87] Я・М	0.68	<0.80> Р <-0.32> Я	1.23
重・軽 тяжелый/легкий	1.05	[1.03] Я・Ж	1.39	1.30	1.08	1.29	1.33
強・弱 сильный/слабый	[0.56] Я・М	-	0.97	<1.47> Р	[0.60] Р・Ж	[0.39] Р・Ж	1.46
安・危 неопасный/опасный	-0.93	[-0.74] Я・Ж	-1.17	-0.87	-0.90	-0.71	-1.19
年・若 старый/молодой 古・新 старый/новый	0.72	[0.92] Я・Ж	[0.65] Р・Ж	1.24	0.96	1.28	1.09
健・病 здоровый/больной 質高・質低 качественный/некачественный	-0.41	-0.61	<0.57> Р <-0.99> Я	[-0.77] Р・М	-0.77	[-0.94] Р・М	-0.89
優・蔽 добрый/злой	-0.84	-0.84	-1.06	-1.03			
リ・緊 расслабленный/ напряженный	-0.76	-0.67	[-0.77] Я・М	[-1.21] Я・М			
喜・悲 радостный/грустный	-0.33	-0.35	-	-0.44			
驚・警 восхищенный/ настороженный	-0.41	[0.29] Р・М	-0.37	-0.46			
信・嫌 доверчивый/ враждебный	-0.95	-1.03	-0.92	-0.92			

Оппозиция	собака	лошадь	смеяться	идти	молоток	мяч	жидкость
恐・怒 обороняющийся/агрессивный	[0.69] Я・Ж	0.65	0.84	<0.91> Р			
ア・パ активный/пассивный	(-0.36) Ж	[-0.37] Р・М	[0.62] Р・М	<0.44> Р <-0.50> Я			
ホ・ネ позитивный/ негативный	-0.89	-0.91	-0.95	-1.08			

В ходе анализа было выявлено, что *скрипучий голос* ассоциируется у респондентов с «враждебным» и имеет 81 общий элемент, что делает его вторым по количеству среди всех фонаций. Несмотря на множество общих черт с фальцетом, прилагательные, связанные со скрипучим голосом, имеют контрастное значение. Для живых организмов, включая людей, скрипучий голос ассоциируется с такими признаками как «ненавистный», «уродливый», «зловонный», «холодный», «большой», «твердый», «тяжелый», «опасный», «старый», «злой», «напряженный», «враждебный» и «негативный».

Прилагательное «близкий» свойственно только человеку.

Предметы, включая жидкости, часто описываются как «враждебные», «черные», «зловонные», «грязные», «большие», «тяжелые», «сильные», «опасные», «старые» и «некачественные».

При удалении слова «смеяться», к живым организмам добавляются прилагательные «больной» и «грустный».

Общие прилагательные и интерпретации:

- Было выявлено 33 общих прилагательных, из которых 16 имели значение более 1, что указывает на сильную связь с интерпретациями.

- Некоторые общие черты для фонаций включают: «уродливый/грязный» для животных (-1,29), людей (-1,07), жидкостей (-1,49); «черный/насыщенный» для животных (-1,12), предметов (-0,90), жидкостей (-

1,10); «тяжелый» для людей (1,35), предметов (1,19), жидкостей (1,33); и «опасный» для человека (-1.02), предмета (-0.81), жидкости (-1.19).

Категории с ограниченным количеством интерпретаций:

- В категории с 7 интерпретациями не было обнаружено общих черт.
- В категории с 2 интерпретациями также не было выявлено общих характеристик.

2.3.4. Напряженный голос

Ниже представлены результаты анализа для типа фонации *напряженный голос*.

Таблица 23. Напряженный голос

Оппозиция	собака	лошадь	смеяться	идти	молоток	мяч	жидкость
好・嫌 любимый/ненавистный	-1.25	-1.50	-1.33	-1.40	-1.50	-1.23	-1.54
白・黒 белый/черный 透・濃 блеклый/насыщенный (о цвете)	-1.00	-0.52	×	×	-1.16	-1.16	[-1.31] Р・Ж
美・醜 красивый/уродливый 綺・汚 чистый/грязный	-1.30	-1.35	-1.52	-1.61	-1.18	-1.53	-1.86
芳・臭 ароматный/зловонный	-1.03	-0.87	-1.15	-1.14	-0.87	-1.21	-1.30
温・冷 теплый/холодный 熱・冷 горячий/холодный	-0.57	-0.99	-0.73	-0.91	-	×	[0.49] Р・М

Оппозиция	собака	лошадь	смеяться	идти	молоток	мяч	жидкость
大・小 большой/маленький 美味・不味 вкусный/невкусный (жидкость)	0.84	0.85	[0.74] ЯЖ	1.23	[0.90] Я・М	1.17	-1.39
遠・近 далекий/близкий	<0.16> Р <-0.44> Я	<-0.58> Я	[-0.46] РЖ	[-0.73] Р・М	[-0.32] Р・М	[-0.47] Р・М	[-0.62] Р・М
硬・柔 твердый/мягкий	0.63	1.05	1.02	1.28	1.00	[1.48] Я・М	[1.09] Р・Ж
重・軽 тяжелый/легкий	0.99	[1.21] Р・Ж	0.79	1.37	1.10	1.16	[1.53] Р・Ж
強・弱 сильный/слабый	0.56	0.32	0.62	0.95	[0.64] Я・М	0.99	[1.70] Р・Ж
安・危 неопасный/опасный	-1.09	-1.00	-1.48	-1.60	-0.96	-1.06	-1.26
年・若 старый/молодой 古・新 старый/новый	1.10	[1.11] Р・Ж	1.12	0.92	[1.18] Р・Ж	1.05	1.20
健・病 здоровый/больной 質高・質低 качественный/некачественный	[-0.92] Р・Ж	-0.81	-1.08	[-0.84] Р・Ж	[-1.01] Р・Ж	-1.05	-1.19
優・蔽 добрый/злой	-1.04	[-1.26] Я・М	-1.06	-1.47			
弛・緊 расслабленный/ напряженный	-1.02	-1.11	-1.05	-1.21			
喜・悲 радостный/грустный	-0.48	[-0.51] Р・Ж	-	[-0.44] Р・Ж			
驚・警 восхищенный/ настороженный	-0.76	-0.90	-	-0.52			

Оппозиция	собака	лошадь	смеяться	идти	МОЛОТ ОК	МЯЧ	ЖИДКО СТЬ
信・嫌 доверчивый/ враждебный	-1.21	-1.17	-1.27	-1.39			
恐・怒 обороняющийся/агрес сивный	0.76	0.87	[0.97] Я・М	1.26			
ア・パ активный/пассивный	-	[0.30] Р・М	(-0.66) М (0.34) Ж	[0.44] Р・М			
ホ・ネ позитивный/ негативный	-1.11	-1.15	-1.10	-1.12			

Анализ продемонстрировал, что тип фонации *напряженный голос* интерпретируется респондентами как неприятный и имеет 87 общих элементов, что является наибольшим числом среди всех фонаций.

Он ассоциируется с такими признаками предметов, как «ненавистный», «черный», «уродливый», «зловонный», «холодный», «большой», «твердый», «тяжелый», «сильный», «опасный», «старый», «больной», «злой», «напряженный», «враждебный», «агрессивный» и «негативный».

Для людей характерны такие прилагательные как «ненавистный», «черный», «зловонный», «большой», «близкий», «твердый», «тяжелый», «сильный», «опасный», «старый» и «некачественный».

Если исключить лексему «смеяться», то к общим прилагательным добавляются «грустный» и «настороженный».

Напряженный голос схож со скрипучим голосом и также отражает психические и физические отклонения, такие как «гнев» и «болезнь».

Общие прилагательные и интерпретации:

- Было выявлено 35 общих прилагательных, из которых 25 имеют значение более 1, что указывает на сильную связь с интерпретациями.

- Общие прилагательные включают «опасный»: животные (-1,05), люди (-1,54), предметы (-1,01), жидкости (-1,26); «зловонный»: животные (-0,95), люди (-1,15), предметы (-1,04), жидкости (-1,30); «грязный/уродливый»: животные (-1,33), люди (-1,57), предметы (-1,35), жидкости (-1,86).

- Среди живых организмов наблюдается небольшое количество сходств: только «твердый»: животное (0,84), человек (1,15); «напряженный»: животное (-1,07), человек (-1,13); «негативный»: животное (-1,13), человек (-1,11); «сильный»: животное (0,44), человек (0,79).

Категории с ограниченным количеством интерпретаций:

- В категории с двумя интерпретациями общих черт не обнаружено.
- В категории с одной интерпретацией также не было выявлено общих характеристик.

2.3.5. Придыхательный голос

Ниже представлены результаты анализа для типа фонации *придыхательный голос*.

Таблица 24. Придыхательный голос

Оппозиция	собака	лошадь	смеяться	идти	молоток	мяч	жидкость
好・嫌 любимый/ненавистный	<0.56 > P <- 0.21> Я	(0.51) Ж	[-0.58] P・Ж	-0.49	-	(-0.58) M	-
白・黒 белый/черный 透・濃 блеклый/насыщенный (о цвете)	[0.22] Я・ M	-	×	×	-0.43	[-0.52] Я・M	-
美・醜 красивый/уродливый 綺・汚 чистый/грязный	<0.45 > P	[0.29] Я・M	(-0.54) M	-0.33	<0.41> P <- 0.17>	[0.46] Я・M	-

Оппозиция	собака	лошадь	смеяться	идти	молоток	мяч	жидкость
芳・臭 ароматный/зловонный	<0.56 > P	[0.22] Я・М	(-0.71) М	[-0.27] Я・Ж	Я - -	(-0.44) М	-
温・冷 теплый/холодный 熱・冷 горячий/холодный 大・小 большой/маленький	[0.37] P・ Ж -	<-0.41> М <0.40> Ж -	-0.47 -	[-0.35] P・М <0.65> P	[-0.53] Я・М [-0.56] P・Ж	[-0.27] Я・Ж [0.53] Я・Ж	- [0.37] P・Ж
遠・近 далекий/близкий	-0.59	(-0.19) М (0.38) Ж	[-0.38] Я・Ж	(0.39) Ж	(-0.29) М	<0.30> P	(-0.47) М (0.47) Ж
硬・柔 твердый/мягкий 重・軽 тяжелый/легкий	-0.96 -	[-0.46] Я・М -	(-0.62) Ж (0.67) М (-0.68) Ж	[0.30] P・Ж [0.30] Я・Ж	[0.26] Я・Ж [0.80] Я・Ж	<0.40> P [0.35] Я・Ж	- [-0.18] P・М
強・弱 сильный/слабый	[- 0.80] P・ Ж	-	[-0.68] P・М	<0.53> P <- 0.70> P	[-0.55] P・Ж	<0.29> P <-0.75> Я	-
安・危 неопасный/опасный	0.67	0.40	-	[0.13] P・М	[-0.16] P・М	(0.65) М (-0.71) Ж	-
年・若 старый/молодой 古・新 старый/новый	-	-	(-0.37) Ж	[0.34] Я・Ж	[0.63] Я・М	0.55	[0.44] Я・М
健・病 здоровый/больной 質高・質低 качественный/некачест венный	(0.63) М (- 0.43) Ж	[0.42] Я・М	(- 0.21) М	<- 0.30> Я	-	-	-
優・蔽 добрый/злой	[0.52] P・М	(- 0.13) М (0.55	-	<- 0.63> P			

Оппозиция	собака	лошадь	смеяться	идти	молоток	мяч	жидкость
リ・緊 расслабленный/ напряженный	<0.84 > P) Ж [0.33] P・M	[-0.43] P・Ж	-0.62			
	<- 0.24> Я						
喜・悲 радостный/грустный	[-0.67] P・M	-	-0.36	[-0.43] P・Ж			
驚・警 восхищенный/ настороженный	[-0.27] P・M	[-0.38] P・M	-0.56	-0.56			
信・嫌 доверчивый/ враждебный	-	[0.24] P・M	[-0.73] P・Ж	[-0.59] P・Ж			
恐・怒 обороняющийся/агрессивный	[- 0.43] P・ Ж	[-0.45] P・M	[-0.56] P・M	[-0.48] P・M			
ア・パ активный/пассивный	-0.58	-0.68	-0.79	-0.49			
ポ・ネ позитивный/ негативный	[- 0.57] P・ Ж	[-0.39] P・Ж	[-0.73] P・Ж	- 0.68			

Анализ продемонстрировал, что *придыхательный голос* – это тип фонации, который респонденты ассоциируют как с позитивными («любимый»), так и с негативными («ненавистный») качествами. Это наименее распространенная фонация, включающая 18 общих элементов.

Распространенные ассоциации включают «настороженный», «восхищенный», «пассивный» и «негативный» для живых организмов, «старый» для неживых организмов, включая воду, и «черный», «холодный» и «тяжелый» для предметов. Обнаружена тенденция ассоциировать *придыхательный голос* с негативным психическим состоянием живого

организма и с негативными прилагательными для объектов, такими как «черный» и «холодный».

Связь с интерпретациями:

- Общее количество прилагательных составило 4, но ни одно из них не имеет значения, превышающего 1, что указывает на очень слабую связь с интерпретациями.

- Животные ассоциируются с признаками «опасный» (-0,63) и «пассивный» (-0,54), а люди – с «пассивный» (-0,64) и «тревожный» (-0,56).

- Для предметов и жидкостей общие черты не были обнаружены.

Категории с различным количеством интерпретаций:

- Категории с 12 и 17 интерпретациями не выявили общих характеристик.

Влияние фонации на интерпретации:

- Отсутствие гендерного и языкового соответствия указывает на колебания в интерпретациях и на то, что чем больше их количество, тем меньше влияние фонации на интерпретации.

- Сравнение количества интерпретаций для различных фонаций показывает, что придыхательный голос (26) оказывает наименьшее влияние на интерпретации, за ним следуют шепот (11), скрипучий голос (4), напряженный голос (3) и фальцет (2).

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

В практической части исследования проведены два эксперимента, целью которых стало установление корреляций типа фонации и коннотативного значения ономатопа. Используя метод семантического дифференциала Ч. Осгуда, мы проанализировали, как различные типы фонации (*нейтральный голос, фальцет, шепот, скрипучий голос, напряженный голос и придыхательный голос*) влияют на интерпретацию ономатопов японского и русского языков.

Первый этап эксперимента заключался в оценке чистых звуков без контекста с целью определения влияния типа фонации на интерпретацию звука. Во втором этапе респондентам предлагалось прослушать короткие предложения с звукоизобразительными лексемами, произносимыми разными фонациями, чтобы выяснить, как контекст и артикуляционная техника влияют на интерпретацию смысла. В качестве материала использованы данные Национального корпуса русского языка и японского корпуса BCCWJ, а также атрибутивы, описывающие одушевленные и неодушевленные категории.

В результате анализа выявлено значительное влияние типа фонации на интерпретацию смысла. Особенно это актуализируется при сравнении интерпретаций чистых звуков и звуков в контексте предложений. Эксперименты подтвердили, что восприятие и интерпретация звуков зависят не только от артикуляционной техники, но и от контекста, в котором эти звуки используются.

Анализ продемонстрировал, что типы фонации, такие как *скрипучий голос, шепот* и *фальцет* в большей степени воздействуют на то, как респонденты интерпретируют значение ономатопов, в то время как *напряженный голос* и *придыхательный голос* влияют на интерпретацию в меньшей степени.

Кроме того, отмечено, что некоторые типы фонации могут вызывать схожие ассоциации: *шепот*, *скрипучий голос* и *напряженный голос* часто связывают с неприятными ощущениями, в то время как *шепот*, *скрипучий голос*, *напряженный голос* и *придыхательный голос* ассоциируются с отталкивающими вкусовыми качествами, а *фальцет* и *шепот* – с ощущением холода.

В ходе анализа выявлено, что *шепот*, *скрипучий голос* и *напряженный голос* смещаются к негативному дифференциалу шкалы интерпретации. В то же время, *скрипучий голос* и *фальцет* демонстрируют контрастные характеристики: если фальцет ассоциируется со «светлым» и «чистым», то скрипучий голос – с «темным» и «грязным». Эти типы фонации противопоставляются друг другу еще по восьми признакам, подчеркивающим контрастность восприятия.

Результаты проведенного исследования демонстрируют взаимосвязанность типа фонации и коннотативного значения, приобретаемого в контексте. Так, *фальцет*, характеризующийся высокими тонами, ассоциируется с положительными качествами и имеет минимальные гендерные различия и различия по языковой принадлежности. *Шепот*, хотя и связан с такими признаками, как слабость и мягкость, в большей степени зависит от языковой принадлежности диктора, чем от гендерной. *Скрипучий голос* и *напряженный голос* вызывают негативные ассоциации, но *напряженный голос* имеет более широкий семантический потенциал. Интерпретация *придыхательного голоса*, ассоциируемого с тревогой и страхом, гендерно зависима.

В ходе настоящего исследования мы выявили и описали корреляции типов фонации и коннотативных значений ономастопов японского и русского языков, однако остается ряд вопросов, которые открывают дальнейшие перспективы исследования. Существуют смешанные типы фонации, которые не были включены в данное исследование и их интерпретации еще не выявлены. Другие возможные направления исследования – это

сравнительные эксперименты, в которых фиксируются не только типы фонации, но и другие фонетические характеристики, такие как громкость и интонация, изменяются. Несмотря на то, что изучение звуко-символизма с использованием гиперсегментных звуков, рассматриваемое в данном исследовании, только развивается, понимание механизмов функционирования звуко-символической лексики может обеспечить надлежащую коммуникацию в реальной жизни, в профессиях, использующих голос, таких как актеры озвучивания и дикторы, и в области искусственной речи, которая быстро развивается в настоящее время.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе были выявлены и описаны корреляции коннотативных значений ономастопов и шести типов фонации по классификации Дж. Лейвера: *нейтральный голос, фальцет, шепот, скрипучий голос, напряженный голос и придыхательный голос.*

Для достижения цели были изучены труды, посвященные исследованию феномена языкового знака, значения и звука.

Рассмотрены четыре основные концепции, предложенные Ф. де Соссюром, Ч. Пирсом, Ч. Моррисом, В.М. Солнцевым, которые варьируются от одностороннего до четырехстороннего понимания знака. Эти теории подчеркивают различные аспекты связи между знаком, значением и интерпретатором, а также влияние социального контекста и динамичности языка.

Споры о мотивированности языковых знаков продолжаются с древнегреческих времен. Философы и лингвисты, такие как Платон, Аристотель, Ф. де Соссюр и Э. Бенвенист, обсуждали, возникают ли знаки естественно или по соглашению, и в какой степени они мотивированы. Эти дебаты подчеркивают различие между естественной ассоциацией и произвольностью связи между знаками и их значениями.

Дифференцированы термины «значение» и «смысл»: значение является общепринятым и статичным, в то время как смысл изменчив и зависит от контекста. Семантические треугольники, такие как треугольник Огдена-Ричардса, иллюстрируют различные подходы к пониманию значения слов, отражая его многогранность и динамичность.

В качестве методологической основы изучения коннотативного значения мы использовали метод семантического дифференциала, разработанный Ч. Осгудом. Этот метод основан на концепции, в которой слова и фразы обладают ассоциативным значением, которое можно оценить по различным параметрам, таким как «хорошо – плохо», «сильный – слабый»

или «активный – пассивный». В ходе исследования респондентам предлагается оценить концепт по шкале биполярных прилагательных. Результаты затем анализируются для создания общего коннотативного профиля, что позволяет выявить разнообразие интерпретаций среди разных людей.

Звук и фонация играют ключевую роль в структуре языка, влияя на его фонетические и фонологические аспекты. Звукоизобразительная лексика и различные типы фонации, такие как нейтральный голос и фальцет, ассоциируются с определенными звуковыми образами. В японском языке звукоизобразительные слова, классифицируемые как гионго, гисэйго и гитайго, играют особенно важную роль, делая язык выразительным и эффективным средством коммуникации.

В практической части исследования проведены два эксперимента, демонстрирующих наличие корреляции типов фонации и коннотативного значения звукоизобразительных единиц японского и русского языков.

Эксперименты показали, что тип фонации и контекст влияют на интерпретации респондентов. На первом этапе мы исследовали оноματοпы вне контекста с целью выявления влияния фонации на интерпретацию заложенных смыслов. На втором этапе мы анализ предложений, содержащих звукоизобразительные слова, произнесенных разными типами фонации, определил влияние контекста. Результаты подтвердили, что интерпретация зависит от обоих факторов. Также было выявлено, что разные типы фонации, такие как *шепот* или *фальцет* вызывают разные ассоциации и эмоции.

Скрипучий голос и *фальцет* демонстрируют контрастные характеристики. *Фальцет*, характеризующийся высокими тонами, ассоциируется с положительными качествами и имеет минимальные гендерные и языковые различия. *Скрипучий голос* – с «темным» и «грязным». При типах фонации *шепот*, *скрипучий голос* и *напряженный голос* оценка респондентов смещается к негативному дифференциалу шкалы.

Интерпретация *шепота* в большей степени зависит от языковой принадлежности диктора, чем от гендерной. *Скрипучий голос* и *напряженный голос* вызывают негативные ассоциации, но *напряженный голос* имеет более широкий семантический потенциал. Интерпретация *придыхательного голоса*, ассоциируемого с тревогой и страхом, гендерно зависима.

В целом, количество общих ассоциаций с каждым типом фонации указывает на их влияние на интерпретацию ономатопопов. *Напряженный голос* имеет наибольшее количество общих атрибутивов, в то время как *придыхательный голос* – наименьшее. Языковые различия оказывают большее влияние на изменение интерпретации, чем гендерные, особенно в случае *шепота* и *придыхательного голоса*. Эти результаты подчеркивают важность учета фонации при анализе языка и его восприятия.

Перспективами дальнейшего исследования является анализ корреляций с другими фонетическими характеристиками – громкостью и интонацией, а также анализ смешанных типов фонации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Об истолковании // Аристотель. Собрание сочинений в 4 т.: Т. 2 / отв. ред. З.Н. Микеладзе. М.: Мысль, 1978. С. 93–116.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 446 с.
3. Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия / отв. ред. В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. С. 44–87.
4. Воронин С.В. Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании. Л.: ЛГУ, 1990. 200 с.
5. Воронин С.В. Основы фоносемантики. М.: ЛЕНАНД, 2006. 248 с.
6. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 400 с.
7. Даниленко В.П. От предъязыка – к языку: введение в эволюционную лингвистику. СПб: Алетейя. 2015. 386 с.
8. Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / отв. ред. Г.К. Косиков. М.: Прогресс, 2000. С. 407–427.
9. Звегинцев В.А. Семасиология. М.: Изд-во МГУ, 1957. 322 с.
10. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. 306 с.
11. Изворска Р. Формальная семантика // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления / под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой, И.А. Секериной. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 207–230.
12. Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М.: Изд-во МГУ, 1992. 336 с.
13. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: Едиториал УРСС, 2000. 352 с.
14. Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф. Общая фонетика. М.: РГГУ, 2001. 593 с.

15. Комарницкая Л.А. Субъективный и объективный звуко-символизм в английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 12.00.06. Черновцы, 1985. 288 с.
16. Кривошеева Е.И. Проявление иконизма в звукоподражаниях (на материале японского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Бийск, 2014. 165 с.
17. Кубрякова Е.С. Возвращаясь к определению знака // Вопросы языкознания. 1993. Вып. 4. С. 18–28.
18. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
19. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М.: Прогресс, 1978. 544 с.
20. Михалев А.Б. Теория фоносемантического поля. Пятигорск: ПГЛУ, 1995. 213 с.
21. Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика / под ред. Ю.С. Степанова. М.: Академический Проект, 2001. С. 45–97.
22. Новиков Л.А. Семантика русского языка. М.: Высшая школа, 1982. 272 с.
23. Нуруллова А.А. Оноματοпедия в современном английском, русском и немецком языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Казань, 2013. 22 с.
24. Пешковский А.М. Избранные труды. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1959. 252 с.
25. Пирс Ч. Избранные философские произведения. М.: Логос, 2000. 448 с.
26. Платон. Кратил // Платон. Собрание сочинений в 4 т.: Т. 1 / отв. ред. А.Ф. Лосев. М.: Мысль, 1990. С. 616–681.
27. Подшибякина А.А. Ономатопоэтическая лексика в японском языке. М.: Муравей, 2003. 64 с.

28. Пчелина Т.М. К вопросу о соотношении понятий «Качество голоса» и «Тембр голоса» в современных лингвистических исследованиях // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2016. Вып. 5. С. 172–175.
29. Рахилина Е.В. Когнитивная семантика: История. Персоналии. Идеи. Результаты // Семиотика и информатика. 1998. Вып. 36. С. 274–322.
30. Рудь Е.Е. Насколько звукоизобразителен русский язык? // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2015. Вып. 1. С. 70–77.
31. Румак Н.Г. Теоретические и практические проблемы межъязыковых соответствий (на примере перевода оноματοпоэтической лексики в японском языке): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22. Москва, 2007. 155 с.
32. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. 656 с.
33. Солнцев В.М. Языковой знак и его свойства // Вопросы языкознания. 1977. Вып. 2. С. 15–27.
34. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та. 1999. 432 с.
35. Семиотика: Антология / Ю.С. Степанов [и др.]; отв. ред. Ю.С. Степанов. М.: Академический Проект, 2001. 702 с.
36. Флакман М.А. Деиконизация звукоизобразительного слова: особенности протекания процесса в английском языке // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2015. Вып. 1. С. 162–171.
37. Флакман М.А. Диахроническое развитие звукоизобразительной лексики английского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Санкт-Петербург, 2015. 580 с.
38. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика / под ред. А.И. Михайлова. М.: ВИНТИ, 1977. Вып. 8. С. 181–210.
39. Ченки А. Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях // Вопросы языкознания. 1996. Вып. 2. С. 68–78.

40. Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления / под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой, И.А. Секериной. 2-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2002. С. 340–369.

41. Шляхова С.С., Шестакова О.В. Изучение звукоподражательности в немецком языке: проблемы и перспективы // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2010. № 4. С. 171–185.

42. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. 432 с.

43. Якобсон Р., Фант Г.М., Халле М. Введение в анализ речи // Новое в лингвистике / отв. ред. В.А. Звегинцев. М.: Наука 1962. С. 173–231.

44. Якобсон Р.О. Язык и бессознательное. М.: Гнозис, 1996. 248 с.

45. Яшина Т.В. Вариативность семантического треугольника в аспекте изучения терминологических единиц [Электронный ресурс]. 2013. URL: <https://goo.su/vhLuUI> (дата обращения: 10.05.2024).

46. Akita K. Phonation Types Matter in Sound Symbolism // Cognitive Science. 2021. Vol. 45 (5). P. 1–14.

47. Crystal D. The English Tone of Voice. London: Edward Arnold, 1980. 198 p.

48. Dingemanse M., Schuerman W., Reinisch E., Tufvesson S., Mitterer H. What Sound Symbolism Can and Cannot Do: Testing the Iconicity of Ideophones from Five Languages // Language. 2016. Vol. 92. P.117–133.

49. Fonagy I. Mimik auf glottaler Ebene // Phonetica. 1962. Vol. 8. P. 209–219.

50. Gobl C., Chasaide A.N. The role of voice quality in communicating emotion, mood and attitude // Speech Communication. 2003. Vol. 40 (1–2). P. 189–212.

51. Hollien H. Three major vocal registers: a proposal // Proceedings of the 7th International Congress of Phonetic Sciences. 1974. P. 320–331.

52. Inose H. Translating Japanese onomatopoeia and mimetic words // Translation and Research Project. 2008. Vol. 1. P. 97–116.
53. Jackendoff R. Semantics and cognition. Cambridge: MIT Press, 1983. 283 p.
54. Ladefoged P. Respiration, Laryngeal Activity and Linguistics // Ventilatory and Phonatory Control Systems. 1974. Chap. 18. P. 299–306.
55. Ladefoged P. Vowels and consonants: An introduction to the sounds of languages. Oxford: Blackwells, 2001. 216 p.
56. Langacker R. Foundations of cognitive grammar. Vol. 1: Theoretical prerequisites. Stanford: SUP, 1987. 540 p.
57. Laver J. The Semiotic Nature of Phonetic Data // Papers in Linguistics. 1980. Vol. 6. P. 55–62.
58. Laver J. The Phonetic Description of Voice Quality. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 200 p.
59. Lyons J. Semantics. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. 897 p.
60. Montague R. Formal Philosophy: Selected Papers of Richard Montague. New Haven: Yale University Press, 1974. 370 p.
61. Morita M. Japanese Language and Literature. Tokyo: Sanseido, 1953. 373 p.
62. Ogden C.K., Richards I.A. The Meaning of Meaning. New York: Harcourt, Brace & World, Inc., 1923. 498 p.
63. Osgood C.E., Suci G.J., Tannenbaum P.H. The measurement of meaning. Urbana: University of Illinois Press, 1957. 342 p.
64. Roach P. Introducing Phonetics. London: Penguin English, 1992. 128 p.
65. Shigeo H. Japanese for foreigners. Onomatopoeia. Innovative workbooks in Japanese. Tokyo: Tokyo State University, 1995. 149 p.
66. 秋田喜美. 外国語にもオノマトペはあるか? [Акита Кими. Есть ли ономотоппя в других языках?] [Электронный ресурс]. 2017. URL:

<https://nagoya.repo.nii.ac.jp/records/14980#.Y31EVC3vJpQ> (дата обращения: 23.12.2022).

67. 阿久津智. 絵でわかるぎおんご・ぎたいご. 東京: アルク, 1994. [Акуцу Сатору. Интерпретация гионго и гитайго посредством изображений].

68. 浅野鶴子, 金田一春彦. 擬音語・擬態語辞典. 東京: 角川書店, 1978. [Асано Цуруко, Киндайти Харухико. Словарь гионго и гитайго].

69. 小倉慶郎. 日英オノマトペの考察: 日英擬音語・擬態語の全体像を概観する // 大阪大学日本語日本文化教育センター授業研究. 2016. Vol. 14. P. 23–33. [Огура Ёсиро. Компаративное исследование японской и английской ономотопеи].

70. 田守育啓. 日本語オノマトペの多様な音と様態の表現 // 日本音響学会誌. 1998. Vol. 54(3). P. 215–222. [Тамори Икухиро. Японская ономотопея. Представление о разнообразных звуках и модальностях].

71. 仲本康一郎. 現代日本語の形容詞の意味分類 // 山梨大学教育人間科学部紀要. 2014. Vol. 16. P. 83–91. [Накамото Коитиро. Семантическая классификация прилагательных в современном японском языке].

72. 野口良平. イコン・インデクス・シンボル — 概念再定義への試み — // 立命館文學. 2004. Vol. 582. P. 323–309. [Ногути Рёхэй. Икона, индекс, символ – к определению понятий].

73. 三上京子. 多義オノマトペの意味・用法の記述と指導の試み — 「ごろごろ」「ばたばた」を例として — // 小出記念日本語教育研究会論文集. 2004. Vol. 12. P. 63–77. [Миками Кёко. Описание полисемичности ономотопеи: на примере лексем «горо-горо» и «бата-бата»].

74. 吉永尚.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

1. 松村明. 大辞林. 東京 : 三省堂, 2019. 3200 p. [Мацумура Акира. Большой толковый словарь японского языка].
2. 小野正弘. 擬音語・擬態語4500日本語オノマトペ辞典. 株式会社小学館. 2007. 770 p. [Гионго и гитайго (4500). Словарь японской ономотопеи].
3. 三戸雄一, 笥寿雄. 日英対照: 擬声語(オノマトペ)辞典. 東京 : 学書房出版, 1984. 252 p. [Мито Юити, Какэхи Хисао. Словарь сопоставлений японских и английских звукоподражательных слов (ономотопеи)].

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра теории германских и романских языков
и прикладной лингвистики

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой

О.В. Магировская

« 25 » июня 2024 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

**АУДИАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ КОРРЕЛЯТОВ ОНОМАТОПОВ
(НА ПРИМЕРЕ ЯПОНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)**

45.04.02 Лингвистика

45.04.02.01 Межкультурная коммуникация и перевод

Научный руководитель

канд. филол. наук, доц.
каф. ВЯ А.В. Козачина

Магистрант

Я. Сэо

Нормоконтролер

А.А. Струзик

Красноярск 2024